

Мария Чиркина

У ПЕРСИДСКОЙ ГРАНИЦЫ

Роман

Мария Чиркина

У Персидской границы

«Издательство «Перо»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чиркина М.

У Персидской границы / М. Чиркина — «Издательство «Перо»,
2022

ISBN 978-5-00204-461-0

«...Роман «У Персидской границы» - продолжение легендарной истории Олеси, любимой героини известной повести И.А. Куприна «Олеся». Главная героиня не вымышлена, и ее история не заканчивается на страницах повести. Куда привела ее судьба? Смогла ли Олеся все забыть, преодолеть боль, лишения и найти свое место под солнцем?...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00204-461-0

© Чиркина М., 2022
© «Издательство «Перо», 2022

Содержание

Предисловие автора	6
Часть первая	7
Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	28
Глава четвёртая	34
Глава пятая	46
Глава шестая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мария Чиркина
У персидской границы
Роман

* * *

© Мария Чиркина, 2022

Предисловие автора

Роман «У Персидской границы» посвящен моей прабабушке, Олесе, – реальной героине рассказа А. И. Куприна «Олеся». В первоначальном варианте роман был написан как исключительно художественное произведение, однако, наблюдая на протяжении многих лет как переписывается история моего родного края, зная об уничтоженных архивах, видя, как часто СМИ вводят в заблуждение мировое сообщество в своих односторонних расследованиях «белых пятен» истории Русской Мугани, – я решила переписать роман по архивным материалам.

В первую очередь это касается старшего внука Олеси, Чиркина Анания Исаевича, который в 1919 году был председателем Муганской Советской республики, а затем работал судьёй в Верховном Суде Азербайджана. Ананий Исаевич был в жестокое противостояние с Багировым и его окружением, боролся против притеснения нетюркского населения Азербайджана и добивался автономии своей Родины – Талыш-Муганской республики. Ананий Исаевич был убит, а все его документы уничтожены.

Не лучшим образом вышло и с моим земляком, Лазарем Фёдоровичем Бочарниковым (Бичераховым), который в годы Первой мировой войны был ротмистром охранной роты великого князя М. А. Романова, а в 1917–1919 г. командовал Кавказской армией. В состав охранной роты входили мои земляки и родственники.

В своем романе я расскажу подлинную историю моего края и его народа, о том, как мы, русские люди Мугани, жили на талышской земле почти два века...

Роман «У Персидской границы» – продолжение легендарной истории Олеси, любимой героини известной повести И. А. Куприна «Олеся». Главная героиня не вымышлена, и ее история не заканчивается на страницах повести. Куда привела ее судьба? Смогла ли Олеся все забыть, преодолеть боль, лишения и найти свое место под солнцем?

Часть первая

«Изгнанные»

*С годами мои герои, уничтоженные и распятые, ушли в легенду...
Но через столетие они вернулись из призрачного мира в реально
прожитую жизнь.*

Глава первая

– Мир хозяйину дома, – произнесла стройная темноволосая красавица по имени Олеся и почтительно склонила свою голову перед седобородым стариком, сельским попом Болотиным.

– Мир вашему входу, – ответил поп.

– Благословение Господне на Вас, – сказала Олеся.

– Благословляю Вас именем Господним, – вежливо ответил поп и пригласил Олеся в дом.

В дверях, на притолоке, со стороны петель, в небольшой серебряной оправе висела «Заповедь Господня».

– Господи благослови, – тихо произнесла Олеся, поцеловала пальцы, которыми дотронулась до «Заповеди Господней», и вошла за попом в избу.

Первое, что бросилось в глаза Олеся, вошедшей в избу, – это большие, толстые Библии в темном переплете, лежащие на столе. Стол был накрыт белой скатертью с вышивками и длинными, чуть ли не до пола, кружевами. Возле стола с двух сторон стояли высокие резные деревянные стулья. В потолке висел крючок, на который вешали люльку.

Изба была большая и светлая, с пятью окнами, три из которых выходили в палисадник, а два на крыльцо.

Это была передняя изба. Здесь, стоя у стола при открытых окнах, поп с попадьей молились живому Отцу Небесному.

С двух сторон возле стен стояли резные деревянные кровати с высокими перинами и пуховыми подушками.

Снизу из-под покрывал свисали кружева, пришитые к простыням.

На кровати, находившейся на одной стороне с большой русской печью, лежала седая больная женщина – жена попа по имени Сара.

– Здравствуйте, – с лёгким поклоном произнесла Олеся.

– О...х! – застонала Сара и стала удобнее усаживаться на кровати, прикрыв простынёй свои больные, в гнойных язвах, ноги.

Поп подошёл к жене, помог ей сесть и, подкладывая под спину подушку, сказал:

– Познакомься, Сара, это наша новая работница.

– Олеся, – произнесла красавица и пожала протянутую руку попадьи.

Попадья с удивлением посмотрела на руку, затем на саму Олеся и жалобным тоном произнесла:

– О...ох! Тяжело ей будет у нас, Яков. Ты глянь, какие ручки у неё холеные, как у барыни.

Олеся уже стала жалеть, что так старательно отпаривала свои руки в отрубях и смазывала их мазями, которые готовила для её натруженных рук бабушка. Она взглянула на свои руки: они действительно были как у барыни.

Поп посмотрел на жену с удивлением.

– Я вовсе не против, Яков, – всё тем же жалобным тоном произнесла попадья, – только уж дюжа она холёная, видно, что непривычная к тяжёлой работе, а у нас хозяйство дюжа большое – боюсь, что не управится.

Сара с сочувствием посмотрела на Олеся и, сложив свои полные руки на колыхающейся от тяжёлого дыхания груди, вновь заохала, сотрясаясь всем своим грузным телом. Попадья была добрым человеком, всем сочувствовала и всех жалела. Теперь она жалела Олеся. Жалела её искренне, от всей души, забыв, что совсем недавно почти всю домашнюю работу выполняла сама.

В селе Привольном хозяева работали так же, как и их работники – от зари до заката.

Попадья с сочувствием смотрела на Олесю и никак не могла поверить, что она сможет выполнять тяжёлую деревенскую работу.

Поп хорошо понимал свою жену, так как при встрече с Олесей у свата он также был поражён её красотой, хотя одета она была очень бедно. На ней было выцветшее ситцевое платье и такая же выцветшая косынка на голове, спасавшая Олесю от знойных солнечных лучей.

А сейчас, в праздничном наряде, она была неотразима.

Необычайно красивые тёмные глаза Олеси завораживали своим живым блеском и тянули в бездонный омут, в то же время ласкали нежностью и чистотой. Это были именно те редкие женские глаза, взглянув в которые мужчина мог утонуть навеки. Еще прекраснее казались губы Олеси. Налитые вишнёвым соком, они ярко горели на слегка загорелом лице, оттеняя её белоснежные зубы. Высокую стройную фигуру красавицы плотно облегла шёлковая, бледно-розового цвета, блуза с кружевами, которую вот-вот готовы были прорвать соски её пышной груди. Две толстые косы были аккуратно уложены на затылке. Ноги Олеси до самых туфель укрывала пышная чёрная юбка.

Попадья сидела, вздыхала и молча смотрела на Олесю.

– Хвалил вас мой сват, – нарушив нависшее молчание, произнёс поп, – говорил, что работающая вы баба – зерно ему хорошо провеяли. В прошлом году ему татары веяли, да так навеяли, что пришлось заново всё зерно веять. А в этом году сват доволен: и урожай хороший и зерно чистое. Он-то и посоветовал мне взять вас в работницы.

Тут поп молча посмотрел на Сару и погладил свою седую бороду.

Она поняла его взгляд и сказала:

– Я не против, Яков, пусть поработает, а там будет видно.

Сельчане произносили слова мягко, к глаголам добавляли «ь», особенно мягко они произносили букву «г».

Олеся быстро привыкла к их говору и не стала обращать на это внимание.

Поп подумал немного и сказал:

– Значить вас Олесей зовут?

– Да, Олесей, – ответила она.

– Оле...сей! – протяжно, нараспев произнёс поп и снова задумался.

– Вам не нравится моё имя? – спросила Олеся, встревоженная задумчивостью попа.

– Нравится-то нравится, но дело не в том. Оно какое-то чужое, не здешнее. Сразу видно, что вы не наш человек, – пришлый... У нас у всех имена библейские. А вы – Олеся.

Олеся и без попа обратила внимание на то, что имена у сельчан были библейскими.

Однако не только на имена она обратила внимание. Олеся сразу же уловила здесь особый религиозный дух, который витал над селом и связывал людей крепкими узами.

Исколесив полсвета, она нигде не встречала такой богатый и сплочённый народ, как в селе Привольном. У всех жителей села были добротные дома. Они все хорошо питались и в праздники носили дорогую одежду.

– Олеся, за что вы гонимы? – строго, но с сочувствием спросил поп.

– За нашу веру, – тихо ответила Олеся и опустила глаза.

– Крещёные? – ещё строже спросил поп.

– Нет, – уверенно произнесла Олеся.

Поп снова замолчал. Это мгновение показалось Олесе вечностью, потому что ответ попа решал её судьбу.

С тревожно бьющимся сердцем, не поднимая глаз, она ждала ответа – быть может, ей снова придётся сесть в подводу и повезти свою семилетнюю дочь и старую бабушку в неизвестность.

Поп сказал:

– Олеся, все мы тут гонимые за веру. Сват сказал мне, что вам понравились наши места, и вы желаете остаться тут. Так ли это?

– Так, – ответила Олеся и с тревогой посмотрела на попа.

– Олеся, если вы действительно желаете остаться тут и жить с нами, то должны принять нашу веру, иначе вам будет дюжа трудно жить тут. Люди особо обижать вас не будут, но будут всячески обходить и сторониться вас. Причин для этого много. Вы, поди, и свинью едите?

– Да, – тихо ответила Олеся.

– А вот это совсем напрасно, няльзя есть свинью, потому что свинья – самое грязное животное, никада не глядит на солнце и копыта у неё как у чёрта. Так что мы свинью не едим и вам не советуем. Нам хватает и божьей скотины.

Олеся несколько лет ходила со своей бабушкой по русским деревням и знала, что свиное сало – это любимая еда деревенских жителей. Да и сама она не прочь была полакомиться кусочком чёрного хлеба с салом и чесноком.

«Кто же они, если свинью не едят?» – мелькнуло в голове Олеся.

– Сами мы люди русские, – продолжил поп, – полвека тому назад пришли сюды из России. По вере мы субботники. Живём по Ветхому Завету. Христа почитаем, но молимся живому Отцу Небесному. В мире нет нигде такой чистой веры как у нас, и никто так свято не чтить и не исполнять Божьи законы и заповеди, как мы.

Мы исповедуем веру, которая угодна нашей душе, и за это никто нас тут не преследует. Мы создали тут свою культуру. У нас свои обычаи и свой, особый, уклад жизни. Бедных людей у нас в селе нет. Мы сами себя судим и сами милуем. Российские законы до нас не доходят. А местные власти свои законы нам не насаждают. Живём мы тут вольно. Торгуем зерном и скотом в Персии и Закавказье.

Местные власти нас жалуют, потому что богатый человек всегда в почёте. Нигде в мире нет такой культуры и процветания, какие создали тут мы своим трудом. Если бы не бандитские налёты татар, то наш край во истину можно было бы считать райским. Всё, чё надо, Бог даёт нам, чё бросим в землю – всё растёт. Палку в землю воткнём – дерево растёт.

Чем дольше Олеся слушала попа, тем большим доверием к нему проникалась. За месяц, прожитый в селе, она убедилась, что там действительно царил необычайно осмысленный и размеренный уклад жизни. Любовь и почтение Закона Божьего избавили людей от суеты и укрепили их сердца. Они во всём полагались на Бога и во всех своих начинаниях просили Божьего благословения. При этом сами просыпались с петухами и заканчивали работу, когда куры садились на насест. Все они были зажиточными хозяевами, хорошо питались и носили добротную одежду. А главное, скверны в них было меньше, чем в тех людях, с которыми Олеся приходилось встречаться раньше. И земля там была плодородная. Что бросали люди в землю – всё давало пышные всходы. Полноводная река Геок-Тепе бежала с гор, орошала посеы и крутила мельничные жернова.

– Олеся, вера та хороша, какая служить на благо человеку. Вы много бродили по свету. Разве вы видали, чтобы где-то люди жили лучи, чем мы?

– Нет, – откровенно ответила Олеся.

Действительно, где бы она ни была, – везде видела или чрезмерную роскошь или ужасную нищету, и только в селе Привольном все люди жили достойно, по-человечески.

Большая часть субботников, прибывшая в село Привольное из России, была потомками однодворцев¹.

¹ Из Википедии: «Однодворцы – это до 1866 года сословие землевладельцев, живших на окраине Российской империи. Понятие „однодворец“ обозначало людей, которые сами, и их предки в прошлом служили в дворянском ополчении, но из-за бедности и запустения земель больше служить не могли, потому что всё их поместье состояло из одного двора. (Отсюда название)».

Однودворцы не имели большинства дворянских прав и привилегий, платили налоги и несли повинности (в том числе рекрутскую), однако могли владеть землёй и крепостными крестьянами. Однودворцы были освобождены от телесных наказаний. Как и дворяне, все однودворцы уже в семнадцатом веке имели фамилии и в восемнадцатом веке в документах упоминались только с ними. Подавляющее большинство однودворцев выбирали в жёны представительниц своего сословия, сословная принадлежность жён однودворцев тщательно фиксировалась в ревизских сказках конца восемнадцатого века.

Сословие однودворцев было представлено на бывших приграничных землях в западных и центрально-южных губерниях России – Воронежской, Курской, Орловской, Брянской, Тульской, Тамбовской, Пензенской и Рязанской.

С начала девятнадцатого века с общим изменением отношения правительства к дворянскому сословию меняется и положение однودворцев, которые начинают рассматриваться всё в большей степени не как «бывшие дворяне», а как государственные крестьяне.

Окончательно они были переведены в это сословие в 1866 году, однако в местах традиционного проживания ещё долго сохраняли сословное самосознание. Даже после ликвидации сословия их потомков продолжали именовать однودворцами, подразумевая их особый исторически сложившийся этнотип русского народа.

Во главе однودворческого поселения стоял управитель, назначаемый военной администрацией (в начале – местным воеводой, затем – Военной коллегией).

Управитель обеспечивал сбор необходимых налогов и податей, отвечал за верность списков жителей поселения, решал вопросы внутреннего устройства и отстаивал интересы однودворцев в уезде и в провинции.

Однودворческий управитель должен был создавать из однودворцев вооружённые конвои для сопровождения колодников, «соляной казни» и военные команды для борьбы с «ворами и разбойниками».

Помощниками управления были избираемые населением наиболее авторитетные однودворцы.

В случае набегов татар однودворцы быстро и умело объединялись в полки, чему способствовала их военная подготовка и сохранённая посотенная организация с выборными сотскими и десятскими.

Всё это субботники сохранили и принесли в село.

– Олесья... – снова начал поп.

Но Олесья неожиданно встала и тревожно произнесла:

– Подождите... дядя Яков...

– Олесья, ты чего так испугалась? – спросил поп.

– Я слышу выстрелы. Кто-то стреляет... там... – сказала Олесья и показала рукой в сторону гор.

Сердце Олеси забило тревожно.

– Господи, только бы с моей девочкой ничего не случилось! Зачем же я не взяла её с собой? – это первое, что пришло ей в голову.

И тут же над селом полетел пронзительный колокольный звон. Он летел с возрастающей силой. Было видно, что звонил отчаявшийся человек, так как он прикладывал все силы, чтобы донести колокольный звон до каждого сельчанина.

– Что-то случилось, – произнесла Олесья и пошла к двери.

– Чё, пожар? – спросила встревоженная попадья.

– Не знаю, – ответил поп и побежал следом за Олесей.

Дыма нигде не было видно. Это был не пожар. Случилось что-то иное. Но что именно, Олесья не могла понять.

А колокольный звон всё летел и летел над селом.

В саду у попа, как и у каждого жителя села, была вышка, откуда хорошо была видна вся местность с южной стороны села вплоть до самых гор.

Олеся заметила переполох в соседнем дворе.

– Да что это за наказание? Вот изверги! Не дают людям жить спокойно. Что же делать теперь? Сыночек, погоди... – по двору ходила тетя Вера и слёзно причитала.

– Вера, что случилось? – крикнул издали поп.

Но соседка никого, кроме сына не видела. Она подбежала к своему взрослому сыну Данилу, который с ружьём в руках и обоймой патрон вокруг пояса садился на коня, и завывала.

– Мама, успокойся, не впервой мне, – пытался успокоить её взрослый сын.

Но она никак не могла успокоиться и продолжала выть.

– Данил, кричи отцу, чтоб скотину бросал. Убьют. Да и сам голову не подставляй. Бог с ней, со скотиной, – просила она сына.

Поп подбежал к забору и крикнул:

– Данил, что случилось?

– Татары прорвали границу и угоняют наш скот, – ответил Данил.

Олеся подошла к попу и встала рядом с ним.

Данил натянул поводья, но, увидев Олеся, неожиданно опустил их. Его сердце оборвалось.

– Мама, ты знаешь женщину, которая стоит рядом с дядей Яковом? – спросил Данил у своей матери, не отрывая взгляд от Олеси.

– Не знаю, – ответила мать, вытирая слёзы.

– Узнай, – тихо произнёс Данил, затем хлестнул коня и поскакал в сторону гор через свой сад.

Поп побежал в сад к вышке и, несмотря на свой преклонный возраст, быстро по ступенькам залез на неё. Олеся последовала за ним. Как только она залезла на вышку, то сразу же увидела жуткую картину. По полю, со стороны гор, с криком и визгом к скоту скакали вооружённые разбойники с чалмами на головах и стреляли в пастухов, угоняющих скот в сторону села.

Это была банда хорошо вооружённых разбойников, состоявшая в основном из турков, курдов и татар. Они промышляли кражей скота в приграничных сёлах. Село Привольное привлекало их особенно, так как в нём у каждого хозяина был полон двор птицы и скота.

Олеся видела, как из села в сторону гор скакали вооружённые всадники навстречу разбойникам и впереди всех – Данил.

– Господи, сохрани и помилуй! – взмолился поп, простирая свои дрожащие руки к небу.

– Сохрани и помилуй! – вырвалось и у Олеси.

– Ты глянь, чё внучок мой делает. Я же говорил ему, чтобы не угонял табун далеко, нападут разбойники – не угонить табун, – вслед за молитвой запричитал поп.

– Где ваш табун? – вглядываясь вдаль, спросила Олеся.

– А вон скачет чуть правее нас, – ответил поп.

– Дядя Яков, группа разбойников скачет прямо на него.

– Я вижу. Вон что внучок мой натворил! Не дай Бог убьют, а мне перед Господом ответ держать.

Расстояние между разбойниками и табуном коней попа быстро сокращалось.

– Бросай коней, внучок, – кричал отчаявшийся поп.

Но слова его бесследно тонули в топоте скота и оглушающих оружейных выстрелов.

– Но, быстрее, быстрее! – размахивая кнутом, кричал внучок.

Пыль столбом вилась над табуном, и внучка невозможно было рассмотреть.

Одно только отчётливо видела Олеся: разбойники вот-вот захватят табун коней попа.

Кто-то из сельчан коров и овец попа гнал к реке. В западной части села, близко подходящей к лесу, разбойники захватили стадо коров и несколько коней и погнали их в лес. Испу-

ганные коровы мычали, разбегались в стороны, пытались бежать назад, за что подвергались жестоким ударам палками и кнутами со стороны разбойников.

Сельчане быстро слились в отряды и поскакали навстречу разбойникам, стреляя в воздух.

У них был приказ старосты села, Семёна Звездила, отгонять разбойников от села, но не убивать их, так как убийство считал самым тяжким человеческим грехом, а ещё и потому что бандиты были очень злы и мстительны. За одного своего убитого они готовы были месяцами прятаться в лесу, чтобы кровью отомстить за кровь.

– Давай, быстрее, быстрее, – кричал испуганный внучок, подгоняя табун. Его кнут беспрерывно хлестал скачущих впереди него лошадей.

Мимо пастушка со свистом пролетела пуля. Другая пуля пролетела над самой головой, и пастушок почувствовал дыхание смерти. Она обожгла его голову, сбив шапку с головы. От страха у него затряслись руки и зашевелились волос на голове. Ему было четырнадцать лет, и он не хотел умирать. Он только хотел помочь своему деду пасти скот вместо заболевшего пастуха.

– Мама...а! – в ужасе крикнул пастушок, увидев разбойника недалеко от себя.

За спиной у пастушка висело ружьё. Но стрелять из него он имел право только в волков, если они нападут на табун. В людей он никогда не стрелял и считал это большим человеческим грехом.

«Не убий! Не убий!» – звучали в голове внучка слова из Библии.

Он был глубоко верующим человеком, свято чтит и исполнял все заповеди Господни.

Пуля вновь просвистела над его головой, за ней вторая и третья.

«Изверги! Что они делают со мной? Отстаньте, сволочи!»

Он пригнулся к гриве коня, разлетающейся в разные стороны. Пуля со свистом пролетела над спиной. Матвей приподнял голову и посмотрел вокруг. Его табун был самым последним. Сельчане уже подгоняли свой скот к реке. Теперь Матвей сильно сожалел, что отогнал табун под самые горы в поисках сочной травы.

«Господи! Что же мне делать? Они доводят меня до греха. Отведи их, Господи. Отведи...и», – вырвался стон из его груди.

С надеждой он взглянул на небо, но ничего, кроме знойного солнца там не увидел.

– Отец Небесный! Помоги мне! Помоги! Отец! – кричал Матвей.

Его конь испугано заржал от свиста пули пролетевшей мимо уха.

– Господи! Прости меня, грешного, – в великом раскаянии крикнул внучок и снял ружьё, висевшее за спиной.

Так он проскакал несколько метров и, чуть оглянувшись назад, не целясь, выстрелил.

– Мама...а! Я убил! Я убил человека! Прости, меня, Господи! – закричал внучок, оглянувшись в очередной раз.

Разбойник, сраженный его пулей, выпустив из рук вожжи, бесчувственно свесил свои руки по бокам коня с ногами в стремях. Его испуганный конь поскакал в сторону села.

Обмякшее тело разбойника стало медленно клониться в левую сторону, пока не свалилось на землю. Но ему не пришлось лежать на земле, так как к нему подскочил другой разбойник, подхватил его, положил на своего коня и ускакал в лес.

Пастушок выстрелил ещё раз, но пуля пролетела мимо скачущего на него бандита. Вид у этого бандита был ужасающий. По всему было видно, что он начал мстить за убитого внучком разбойника.

Пригнувшись к коню, пастушок стал беспрерывно отстреливаться. Он видел, что сельчане идут к нему на помощь, и изо всех сил пытался продержаться ещё немного.

Чуть повернув голову влево, внучок увидел бандита, который стрелял прямо в него.

От страха пастушок вздрогнул. Пуля просвистела рядом, задев его ухо, и в тот же миг пастушок почувствовал жгучую боль. Дрожащей рукой он схватил ухо. Оно было в крови.

«Всё, я умираю», – подумал внучок.

Но он не хотел умирать и потому вновь оглянулся и выстрелил прямо в скачущего на него разбойника. Внучок не видел, как упал разбойник, сражённый его пулей, так как пуля другого разбойника, с ещё более злым лицом, сразила его самого. Горячая кровь обожгла сердце мальчика. Матвей нагнулся вперёд и мёртвой хваткой схватился за гриву коня. В голове у него всё закружилось, и он провалился в чёрную яму. Ранение в левое плечо он уже не чувствовал.

Олеся с попом видели, как сельчане отбивали табун, но издали внучка никак не могли рассмотреть.

Вслед за сельчанами, отрезая путь разбойникам к лесу и стреляя в них, скакали казаки, которые находились на службе и были расквартированы в селе Привольном. Они беспощадно били разбойников. Увидев казаков, отрезавшим им путь в лес, разбойники бросили скот и поскакали в сторону гор, слегка изменив свой обратный путь.

Поп галопом скакал в поле и у каждого встречного сельчанина спрашивал:

– Внучка моего, Матвея, не видали?

Но никто из встречных его не видел.

– Петро, внучка моего не видал? – спросил поп у молодого парня, который скакал ему на встречу.

– Видал, – ответил тот.

– Живой? – с надеждой произнёс поп.

– Ранен, мужики перевязывают его, – ответил Баев Пётр.

– Покажи, где он.

– Вон там возле подводы, – развернув коня назад, произнёс Пётр и поскакал туда вместе с попом.

Перевязанного Матвея мужики положили на подводу.

– Куда его? – спросили мужики прискакавшего попа.

– Везите ко мне, – в отчаянии произнёс поп и полез в подводу.

Мужики с сочувствием смотрели на попа.

– Внучок, что же я теперь твоей матери и отцу скажу? Как перед Господом ответ держать буду? – склонившись над ним, плакал дед.

А крупные, горькие слёзы капали прямо на щеку Матвея.

Всю дорогу дед не мог оторвать своих глаз от побледневшего лица внука.

По селу уже прошёл слух, что Матвея убили и везут в дом попа. Люди бросали свои домашние дела и шли туда.

Ближайшие соседи выкопали во дворе четыре ямки, вставили в них четыре столбика, сделали навес и поставили под него кровать. Затем накрыли её белой простыней и положили Матвея.

В селе Привольном умирающего человека всегда выносили во двор, чтобы он не опоганил дом. А если случалось, что человек неожиданно умирал в доме, то весь дом считался замертым, и после похорон его заново белили, чистили и стирали все вещи, которые находились в доме.

Но это была не единственная причина, по которой выносили умирающего человека. Люди боялись, что в избе душа умирающего человека наткнётся на предмет, испугается и будет долго биться о стены и потолок. А во дворе она сразу же отойдет на Божий суд.

– Сыночек! – подбегая к дому попа, кричала безутешная мать Матвея.

Она добежала до кровати и обняла сына, склонившись над его лицом.

– Нет! Не верю! Это не правда! Живой он! Живо... ой! – кричала в истерике мать.

– Как только земля их держит, – сквозь частые всхлипывания произнесла соседка, мать Данила, которая стояла рядом с Олесей.

Все самые религиозные люди села быстро собрались и встали позади попа, готовые к отпеванию Матвея.

– Ой, Господи...и! – долетел до Олеси голос попадьи.

Она повернула голову и увидела Сару. Опираясь о стену, из сеней медленно, шаг за шагом, выходила Сара, о которой в горе все позабыли. Узнав о трагическом происшествии с внуком, Сара, забыв о своих больных ногах и опираясь на стул, а затем о печь и стенку, медленно пошла по избе и, пройдя через сени, вышла на крыльцо.

В это время соседка Вера повернула голову, услышав голос Сары, и, увидев её идущую, громко крикнула:

– Бабы, гляньте, Сара идёт!

– Сара идёт. Сара сама идёт! – загудели собравшиеся люди.

Они стали оглядываться и с удивлением смотреть на Сару. Она сразу же закачалась у всех на глазах и упала.

К ней подбежала Олеся и двое молодых мужчин. Они подняли её с пола и уложили на кровать, стоявшую на крыльце. Сара лежала молча и бессмысленно смотрела в потолок.

Во дворе, среди толпы людей, стояла и бабушка Олеси. Она слышала, как кричала мать Матвея, и сказала стоящим впереди неё двум женщинам:

– Позвольте мне подойти к Матвею.

– У нас к умершему человеку нельзя подходить, – ответила одна из них.

– Почему? – спросила старуха.

– Опоганишься, – сказала женщина.

– Я этого не боюсь, – ответила старуха.

– Но если ты случайно заденешь, то и нас опоганишь, – с возмущением сказала женщина.

Старуха, не слушая ворчание баб, пошла к Матвею.

– Позвольте мне осмотреть вашего сына, – сказала старуха, обращаясь к матери Матвея.

– Как батя скажет, так и будя, – покорно ответила Люба, мать Матвея, и с надеждой взглянула на попа.

– Нечего дитя мучить, пусть душа его спокойно к Богу отойдёт, – ответил поп, вытирая платочком слёзы.

Последняя искра надежды, которая мелькнула в глазах матери, погасла.

– Батя! Батя...я! – безнадежно закричала Люба, уронив голову на грудь сына.

– Батя, а может права старуха. Дозволь ей глянуть, я слышал, что она могёт лечить, – сказал сын попа по имени Моисей.

Поп молча опустил голову.

– Пойдём, бабушка, – сказала Олеся и взяла её за руку, чтобы отвести от кровати.

– Не могу, Олеся, душа Матвея ещё не покинула его тело, – ответила старуха.

– Это только одному Богу известно, – недовольно произнесла баба, которая не хотела пропустить старуху к лежащему на кровати Матвею.

– Пойдём, бабушка, – ещё раз сказала Олеся и повела бабушку от кровати.

– Я же говорила тебе, чтобы не лезла туды, нет, полезла. Думала, что без неё там не обойдутся, – сказала ворчливая женщина.

Бабушка ничего ей не ответила.

– Ты глянь, кума, плакальщицы пришли, – сказала ворчливая женщина.

– Где? – спросила кума.

– А вон возле розы стоять, – ответила ворчливая женщина.

– Да, вижу, – разглядывая плакальщиц, произнесла кума.

Женщина произнесла эти слова так громко, что их услышали все окружающие. Услышала их и Люба. Ей стало очень плохо. Она громко вскрикнула и упала без сознания, свалившись со стула.

– Люба! – испуганно крикнул Моисей, вскочил со стула и начал поднимать с пола свою жену.

Поп стал помогать ему.

Сестра Любы, стоявшая позади неё, громко завывала с причитаниями. Ей стали подвывать ближайшие родственники и соседи.

– Принесите воду, – крикнул поп.

Проворнее всех оказалась Олеся. Она быстро подбежала к ведру с водой, которое стояло под навесом, зачерпнула воду большим ковшом и побежала к Любе. Люди, увидев бегущую Олеся, расступились, пропуская её вперёд.

– Бабушку позови, – громко крикнул поп, увидев Олеся.

Старуха услышала его слова и пошла за Олесей.

– Олеся, у Любы обморок, посмотри за ней, а я займусь Матвеем, – сказала бабушка и подошла к Матвею.

Олеся прыснула водой в лицо Любы, и, склонившись над её лицом, стала шептать заговор.

Люба медленно приоткрыла глаза и тихо произнесла:

– Нет! Не верю! Живой он!

– Люба, живой, живой ваш сын. Сейчас моя бабушка ему поможет, – уверенно произнесла Олеся.

– А батя дал согласие? – с волнением произнесла Люба.

– Дал, за это не переживай, дочка, – сказал поп, который стоял рядом с ней.

– Спасибо, вам, батя, – чуть слышно произнесла Люба и в знак благодарности поцеловала его руку.

– Будя тебе, Люба, успокойся, чё Бог даст, то и будя, – обречённо произнёс поп.

Старуха на мгновение приоткрыла веки глаз Матвея, взглянула в них, затем взяла руку Матвея, нащупала пульс, и тихо сказала Олеся:

– Принеси всю мою корзиночку со снадобьем и не забудь про спирт.

– Хорошо, – ответила Олеся и ушла.

– Яков, у Матвея нужно разрезать рубаху, чтобы не мешала.

– Вера, принеси ножницы, – крикнул поп, обращаясь к соседке.

Соседка быстро сбегала за ножницами и дала их попу.

– Разрезать? – спросил поп старуху.

– Подожди, Яков, сейчас Олеся принесёт корзину со снадобьем, и мы всё сделаем.

Олеся пришла очень быстро и принесла бабушкину корзину.

– Яков, режь, только осторожно, – сказала бабушка, внимательно наблюдая за действиями попа, – сначала тряпку срежь, которой его перевязывали, а потом разрежь рубаху.

Люди, собравшиеся во дворе, стали подходить ближе.

– Попросите людей отойти подальше – и без того дышать нечем, – сказала бабушка, обращаясь к Моисею.

Окружающие с недоумением смотрели на старуху.

– Что она собирается делать? – спрашивали они друг у друга.

– Прошу всех отойти подальше, – сказал Моисей, обращаясь к людям.

Люди стали медленно отходить от кровати.

Олеся достала небольшой дубовый бочоночек со спиртом и полила его на руки бабушки. Сполоснув руки спиртом, старуха стряхнула с них капли спирта и расстелила небольшую белую скатерть на широкой лавке, которую принёс ей Моисей.

Дальше бабушка делала всё быстро и чётко. У попа от переживания кружилась голова. Люба неотрывно следила за руками бабушки. Она не понимала, что говорит и делает бабушка. Только лишь иногда до её сознания долетали отдельные слова старухи, с которыми она обращалась к своей внучке, с усердием подававшей всё, что она просила.

– Олесья, я вспотела, – произнесла бабушка и приподняла голову.

Олесья посмотрела на открытую рану Матвея и увидала там окровавленную пулю.

– Что будем делать, бабушка? – спросила Олесья.

– Вытри мне лицо и попроси всех отойти подальше. Такое скопление народа очень опасно для открытой раны Матвея, – сказала бабушка.

– Моисей, уведите отсюда Любу и пусть все отойдут подальше, – сказала Олесья.

Олесья вытерла платочком пот с лица бабушки, и она вновь погрузилась в свой, никому из окружающих неведомый, мир. А затем, оторвавшись от работы, подозвала к себе попа и сказала:

– Яков, вот пуля, которая сразила твоего внука.

– На што она мне? – спросил поп, протягивая руку.

– Чтобы видеть его живым, – ответила старуха.

Из помутневших глаз попа покатались слёзы. Он стоял и молча смотрел на окровавленную пулю.

– Что это, батя? – спросил подошедший к отцу Моисей.

– Пуля, – ответил он.

– Бабы, гляньте, бабка пулю из Матвея вытащила, – громко крикнула сестра Любы, которая ближе всех стояла к попу.

Люди с любопытством стали тянуться к попу, чтобы взглянуть на пулю.

– Чё пулю не видали? – недовольно произнёс поп.

– И в самом деле, нашли на чё глядеть, – поддержала попа соседка Вера.

Бабушка забинтовала рану Матвея и, чуть приоткрыв ему рот, влила в него немного прозрачной жидкости. Он застонал...

– Ты глянь, Моисей, живой наш Матвей! – вскрикнул от радости поп и стал усердно молиться, – Господи! Отец Небесный...

– Отче наш... – следом за попом стали молиться и Люба с Моисеем, простирая руки к Отцу Небесному.

А старуха, обращаясь к Олеси, сказала:

– Устала я очень, внученька, отведи меня домой, боюсь, что не дойду одна.

И, сгорбившись сильнее обычного, пошла к воротам, опираясь на клюку и руку Олеси.

– Олесья, я очень рисковала. Пуля находилась рядом с сердцем. Это ничего, что Матвей потерял много крови.

Организм у него крепкий. Он поправится. Было бы гораздо хуже, если кровоизлияние было бы внутренним. Тогда уж точно Матвея нельзя было спасти, – сказала старуха, вытирая слёзы.

– Бабушка, а если бы он умер? – с испугом произнесла Олесья.

– Тогда нам пришлось бы уйти отсюда. Люди нам этого не простили бы, – сказала старуха.

– Нет, бабушка, только не это! Я не хочу уходить отсюда. Я нашла свой приют и желаю остаться здесь до конца своих дней! Ты так уверенно сказала мне об операции, что я даже и не подумала, что мы с тобой так рисковали, – взволнованно произнесла Олесья.

– Олесья, я очень хотела спасти мальчика, – с чувством раскаяния произнесла бабушка и сильнее оперлась на руку внучки.

– Ты глянь, живой! – громко вскрикнула тётя Вера, которая слышала, как застонал Матвей.

– Живой Матвей! – загалдели люди.

– Велика воля Божья. Он и с того света праведных людей возвращает, – со стоном произнесла одна дряхлая старуха, обеими руками опираясь на клюку.

– Так бы и умер наш Матвей, если бы бабка не вынула из него пулю, – с вызовом ответил ей Баев Пётр.

– А ну замолчи. Ишь, богохульник, какой нашёлся, – крикнула на него мать, стоявшая рядом.

Пётр замолчал, так как перечить родителям у них категорически запрещалось.

К утру Матвею стало легче, и он тихо произнёс:

– Мама.

– Что, сыночек?

– Теперь я грешный?

– Чего это ты надумал?

– Я знаю. Теперь я убийца. Я убил человека.

– Какой же ты убийца, если тебя самого чуть не убили?

Я нарушил самую страшную Божью заповедь – «не убий». А я убил. Как же я теперь буду жить с таким грехом?

– Ах ты, Господи... – застонала мать.

– Мама, позови деда.

Мать молча вышла из избы и вскоре вернулась вместе с попом. Поп подошёл к внуку и присел рядом на кровать.

– Дед, как мне жить с таким грехом? Ведь я теперь убийца, – по взрослому, с серьёзным видом произнёс внучок. За ночь он повзрослел на несколько лет.

– Внучок, тебя Бог вернул с того света, значит, он простил тебя. Он знает, что ты убил разбойника не по злему умыслу. Ты не мог поступить иначе. Когда на мирных людей нападают бандиты, то люди вынуждены защищаться и защищать своих близких. Ты – мужчина и поступил так, как подобает поступать мужчине. А теперь нам нужно молиться и каяться. Молиться и каяться.

Поп поднялся с кровати, встал перед столом и запел:

– Господи, прости меня грешного, прости внука моего Матвея...

– Прости меня, Господи... – встала рядом с попом мать Матвея и тоже запела.

Сара стала подпевать им.

В селе Привольном вместо того, чтобы сказать: «она молится», часто говорили: «она поёт». И это было действительно пение. Но не обычное пение. Так мог петь только глубоко верующий человек. Это была самая возвышенная мелодия на свете: мелодия раскаяния души человеческой и воссоединения её с всепрощающим Отцом Небесным. И люди пели, очищая свои грешные души.

Глава вторая

Ожесточённо отбивались разбойники. Не для того они пересекали границу перед великим постом, чтобы упустить захваченный скот. Прорвав границу в камышах, они не пошли обратно тем же путём, а погнали скот по горной тропинке, чтобы прорвать границу в другом месте, где их никто не ждал.

Теперь одна группа разбойников расчищала дорогу, другая гнала скот, а третья отбивалась от преследовавших их сельчан.

Сельчане опасались, что разбойники погонят скот не по удобной дороге, ведущей к границе, а опасными горными тропами. Разбойники так и поступили.

Сразу стало очевидно, что среди разбойников был житель этих гор, который хорошо знал все горные тропинки. Чужак здесь не прошёл бы.

Часть дороги к границе, по которой пошли разбойники, проходила по горному склону над бурной, каменистой рекой. Её пенистые волны бешено мчались к седому Каспию, безжалостно разбиваясь об огромные каменные глыбы, и брызгами разлетались далеко по горным склонам.

– Вот она, дикая, нетронутая человеческой рукой природа, прекрасная и жестокая, – подумал Данил, взглянув в бешеные воды этой дикарки, которая каждый раз при встрече беспощадно заворачивала его глаз и сердце своей дикой красотой и неукротимым нравом.

И тут же над его головой пролетела пуля. Данил пригнулся к коню и спрятался за огромный развесистый дуб. Он был такой огромный, что укрыл Данила вместе с конем. Это был любимый дуб Данила. Такой могучий дуб, полный жизненной силы и буйной энергии, Данилу не приходилось встречать даже среди этих бескрайних лесов, которые шапкой возвышались над горами, скрывая под собой труднопроходимые лесные заросли. Только живая горная вода и щедрое южное солнце могли вскормить такого могучего богатыря, зелёные ветви которого убегали далеко от ствола и выше всех тянулись к солнцу, чтобы вдоволь плескаться в его лучах, каждым листочком переливая изумрудный блеск.

Данил дотронулся рукой до дуба и почувствовал, как вливается в его сердце могучая сила и долгожданная любовь. Перед его глазами всплыла Олеся. Он слегка вздрогнул и натянул поводья. Конь заржал и дыбом приподнялся на задние ноги.

– Данил! Ты чего голову под пули выставляешь? – грозно крикнул Фёдор Бочарников.

– Он думает, что у него две головы, – выкрикнул кто-то из сельчан.

Разбойники пытались выстроить коров в ряд, провести их по опасному горному склону над рекой и загнать в безопасное ущелье, но у них ничего не получалось, так как испуганные коровы толпились, толкали друг друга, а три из них сорвались в речной обрыв и жалобно там мычали, пытаясь встать на передние ноги. Они скользили по каменистому берегу и скатывались всё ниже и ниже к волнам неукротимой красавицы-реки до тех пор, пока не исчезли в её ненасытных объёмах.

У сельчан рвалось сердце от жалости, но помочь они не могли, так как подход к склону был забаррикадирован горой деревьев с ветками, из-за которых отстреливались разбойники. Им нужно было продержаться до тех пор, пока коровы войдут во второе ущелье.

Казаки поскакали проторенной дорогой к границе. Путь был дальний. А время решало сейчас многое.

Часть сельчан отошла в сторону решая, как им поступить. Отдать скот разбойникам и тем самым показать свою слабость они не могли. В этом случае от них не будет отбоя. Однако потерять в бою даже одного человека из-за стада коров они не хотели, так как все были глубоко верующими людьми и превыше всего ценили человеческую жизнь.

– Внимание! Добровольцы, двадцать человек, за мной! Пойдём напрямик через горный перевал. Перейдём через горы и встретим там разбойников, – громким напористым голосом

скомандовал Фёдорович Михайлович Бочарников, на редкость мужественный и энергичный мужчина средних лет.

– А мне можно? – выкрикнул молоденький парнишка.

– Нет! Зелёный ещё, – ответил Фёдор Михайлович.

Фёдор Михайлович Бочарников был командиром добровольного объездного отряда, состоявшего из сельчан. Вместе с российскими пограничниками отряд объезжал границу и отбивал разбойничьи налёты турок, персов, курдов и прочие набеги орд, а также конвоировал торговые караваны при движении из России в Персию. Отряд Фёдора Бочарникова выполнял очень сложные боевые задания по вытеснению из талышских джунглей разбойничьих банд и состоял из хорошо обученных сельчан. Они могли пройти даже там, где не ступала нога аборигена. Постоянным спутником Фёдора Михайловича во всех боевых операциях был казак Михаил Чернов.

Теперь перед группой сельчан стояла сложная задача. В короткий срок они должны были преодолеть горный перевал с водными потоками в ущельях, выйти в нужном месте и опередить ударную группу разбойников.

– Верёвки у всех есть? Спускаться в ущелья будем по верёвкам.

– Есть, – ответили мужики.

Подъём в гору был очень крутой, обрывистый и опасный. Им приходилось скользить над пропастью, цепляться за колючие ветки и ползти вверх, подавая друг другу руки и верёвки. Но Фёдор не искал лёгкого пути. Он шёл напролом через дикие, трудно проходимые заросли.

Особенно опасно было переходить десятиметровый путь, который коварно проложила матушка природа: это была узкая горизонтальная лента на обрывистом склоне. Пройти там можно было только в сухую погоду, так как устоять на скользкой, местами каменистой полосе было невозможно – человек сразу же срывался в реку с крутыми берегами.

– Приказ. Вниз не смотреть. Смотреть всем только вперёд, – скомандовал Фёдор.

Внизу, под самым обрывом, кипела, разбиваясь о камни, пенная горная речка.

Первым, прижавшись грудью к обрыву и скользя по нему ладонями, шёл Фёдор Бочарников. За ним шёл казак Михаил и далее вся группа. Дойдя до середины, Михаил слегка оступился и вздрогнул, глянув вниз. В голове у него всё закружилось, и он закачался, не отрывая взгляд от бушующей пены.

Он зачарованно смотрел на воды неукротимой горной реки и не мог оторвать свой взгляд от волн, которые бешено бились о камни, разбивались вдребезги, превращаясь в белую пену, и эти брызги прыгали высоко к самым ногам Михаила, стремясь смыть его с горизонтальной ленты. Он молча стоял и качался, не в силах идти дальше. За ним остановилась и вся группа.

– Миша, не смотри вниз, – тихо произнёс шедший за ним Жабин Азарий, мужчина средних лет.

Но Михаил не мог оторвать свой взгляд от крутых, пенящихся волн. Они заворожили его своим могуществом и силой, готовые проглотить навеки. Он не боялся вражеских пуль, всегда шёл впереди, несколько раз был ранен, но перед природной стихией душа его дрогнула. Он посмотрел назад и увидел, что находился как раз в середине пути над пропастью между двух огромных гор. Он стоял и качался над пропастью, не отрывая глаз от пены и огромных каменных глыб.

– Миша, смотри на меня, – тихо, но уверенно произнёс Фёдор.

Михаил оторвал свой заворожённый взгляд от бурной пены и посмотрел на Фёдора, который стоял в самом конце ленты, Фёдор преодолел опасный путь.

– Миша, ко мне, – строго произнёс Фёдор.

Михаил, не отрывая взгляд от Фёдора, пошёл на него.

– Мужики, вниз не смотреть, идти прямо, – чётко произнёс Фёдор.

Группа медленно пошла за Михаилом.

– Михаил, почему ты нарушил приказ? Сказано было – не смотреть вниз, – сердито произнёс Фёдор, когда тот прочно встал на землю.

– Прости Фёдор, я только сейчас понял, что мог бы всю группу сгубить. Ведь паника – это страшное дело. Но тогда, стоя над обрывом, я этого не понимал. Тогда я ничего не понимал, будто одурманенный, качался и прощался с белым светом... Даже сам не понимаю, что тогда произошло. Я ощутил себя в ином мире, неподвластном человеческой силе.

– А сейчас отошёл? Можешь дальше идти? – спросил Фёдор.

– Могу, – ответил Михаил и с опаской переспросил, – а обратно так же пойдём?

– Нет, обратно пойдём в обход, – ответил Фёдор.

Преодолев опасный участок, они пошли дальше.

Поднявшись на вершину горы, группа по приказу Бочарникова остановилась.

– Ударная группа разбойников находится где-то тут, далеко уйти не могла – скот очень медленно переходит через первое ущелье. Сейчас нам необходимо обследовать спуск к реке, чтобы не нарваться на них. Где-то должен быть удобный переход, где нет водяных воронок. Три года назад я проходил по нему. Со мной пойдут: Иванов Данил, Жабин Азарий и казак Михаил Чернов. Остальным стоять тут и ждать нас. Как только подадим сигнал, сразу спускайтесь. Стоять тихо и без нужды не стрелять, – четким, командным тоном произнес Фёдор Бочарников.

– А если стрелять начнёте вы? – спросил Осип Звездилин.

– Тогда идите к нам на помощь, – ответил Фёдор.

Все четверо взяли в руки ружья и пошли вниз.

– Спускаться осторожно. Данил идёт рядом со мной, а Михаил с Азарием идут за нами, – скомандовал Фёдор.

Оглядевшись по сторонам, они прямиком через лесную чащу стали спускаться к реке, зорко наблюдая по сторонам.

– Осторожно, в траве много глубоких воронок и ядовитых змей. Да и волки чуть ли не за каждым кустом сидят, – сказал Фёдор, увидев метнувшуюся в сторону гадюку.

– До чего же это гадкое существо, – пустился было в рассуждение Михаил.

– Помолчи, Михаил, – резко прервал его Фёдор.

Михаил сразу же принял серьёзный вид.

В это же время и Азарий увидел под своими ногами ползущую гадюку. Он молча отступил в сторону, чтобы не наступить на неё, но, поскользнувшись, провалился в яму, заросшую колючими кустами и высокой травой.

Всё произошло так стремительно, что он даже не успел вскрикнуть.

Яма была с крутым обрывом, глубиной метра три. Падая и цепляясь за колючие кусты, Азарий со всего маху ударился лбом о камень, который лежал на дне.

От удара у него сильно закружилась голова, из глаз посыпались жёлтые искры, а затем поплыли черные круги. С минуту он лежал неподвижно, не в силах понять, что произошло. Затем слегка приподнял голову и левой рукой дотронулся до лба. Рука стала липкой от крови. Азарий хотел посмотреть на свою окровавленную руку, но, когда он поднёс её к глазам, то увидел вместо одной окровавленной руки сразу две. Азарий пошевелил пальцами правой руки. Она лежала на траве. Тогда Азарий понял, что от сильного удара головой о камень у него стало двоиться в глазах. Голова болела и звенела. Он сидел и с непонимающим взглядом смотрел по сторонам.

– Ш...ш...ш, – сквозь звон в ушах слышал Азарий шипение гадюки.

Страх подстегнул его. Он вскочил на ноги и стал оглядываться по сторонам. И тут он отчётливо вспомнил, почему находился в лесу и как оказался в этой яме.

«Ружьё! Где моё ружьё?» – пронеслось в голове.

С опасением посматривая на гадюку с поднятой головой, Азарий стал шарить руками в траве. Оно лежало рядом. Азарий схватил ружьё и стал пятиться назад. Гадюка злобно зашипела. Голова вновь закружилась, и из одной гадюки сразу выросли две.

– Господи! Как же она до сих пор не укусила меня? – с испугом произнес Азарий и стал выбираться наверх по пологому противоположному склону.

Он вылез из ямы и посмотрел по сторонам. Вокруг никого не было. Только сплошная лесная чаща сжимала его со всех сторон. Неожиданно зашуршало слева. Азарий развернулся с ружьём в руках и увидел зайца, который скакал во всю прыть с прижатыми к спине ушами. Было очевидно, что заяц бежал от опасности.

Жутко стало Азарию без коня одному в диком лесу. В любой момент на него мог напасть дикий кабан, волк или разбойник.

Татары не любили открытых боёв. Они всегда убегали в лес и стреляли из кустов и из-за деревьев, а затем прятались в горных пещерах.

Азарий хорошо всё это понимал, потому с опасением осматривался по сторонам.

«Хорошо, что ружьё не потерял», – с облегчением подумал Азарий и повесил его за плечо. Рядом, под кустом, он сорвал сочную, зелёную траву и стал вытирать ею окровавленные руки.

«Где же теперь Фёдор? Как же я, сволочь, мужиков подвел. Сроду со мной такого не случилось. Не уж-то старость надвигается?» – с тяжёлой головной болью подумал Азарий.

Он внимательно посмотрел по сторонам, но никого не увидел.

– И как я мог так оступиться? – он шёл и ругал себя за такую оплошность.

– Фёдор! – громко крикнул он в лесную чащу.

Но вокруг по-прежнему стояла смертельная тишина. И до того Азарию стало тошно от этой гнетущей тишины, что он крикнул громко-громко на весь лес:

– О...го...го!.. Мужики, где вы?

Он прошёл ещё несколько шагов и увидел встревоженного Фёдора, который шёл к нему навстречу.

– Что с тобой, Азарий? Ты весь в крови, – с сочувствием произнес Фёдор.

– Прости, Фёдор, я провалился в яму, – с виновным видом произнёс Азарий.

– Тебе было сказано идти рядом с Михаилом, – сказал Фёдор.

– Я и шёл рядом. А тут гляжу змея под ногами. Я сделал шаг в сторону, за куст, – и тут же провалился, – всё с тем же виновным видом ответил Азарий.

– Идти сможешь? – спросил Фёдор.

– А то разве нет? – ответил ему Азарий.

Михаил, увидев Азария, издали крикнул:

– Азарий, как это ты, идя рядом со мной, умудрился провалиться в яму?

– Разговорчики! – грозно крикнул Фёдор.

Михаил замолчал.

Азарий пошёл дальше к реке рядом с Михаилом, слегка покачиваясь.

– Азарий, сейчас мы спустимся к реке, и ты смоешь кровь с головы и рук. А то не дай бог волки или шакалы учуют кровь – так от них отбоя не будет, – сказал Фёдор.

Азарий с виновным видом кивнул головой.

Они медленно спускались к реке по горному склону.

– Стойте! – тихо произнёс Данил и дёрнул за руку идущего рядом Фёдора.

– Чего остановился? – строго произнёс Фёдор.

– А ты глянь туда, – тихо произнёс Данил и показал в правую сторону.

– Матерь Божья! Да ведь это же татары! – прошептал казак.

Они подвели к реке своих коней, поили их и плескались в воде сами.

– Тихо! – чуть слышно произнес Фёдор и приложил указательный палец к губам.

Все посмотрели в ту сторону, куда смотрел Фёдор, и от неожиданности замерли.

У куста боярышника, в нескольких метрах от них на коленях сидели три татарина и отрешённо молились.

Однако долго молиться им не пришлось: татары, те что были с конями у реки, стали настойчиво кричать и звать их.

В наступившей тишине Фёдор отчётливо различил слова:

– Аллахумма, мунзиля-Китаби. Сари-а-ль-хысаби-хзим ва зальзиль-хум!

Затем они все трое дружно ударились головой о землю, встали и быстро пошли в ту сторону, куда усаkali разбойники.

– Фёдор, ты с таким умным видом слушал их молитву, что я грешным делом подумал, будто ты понял всё, о чем они просили своего пророка, – встряхнув своим золотистым чубом, сказал Михаил.

– Да, кое-что понял, – ответил Фёдор.

– И что же они просили? – с усмешкой спросил Михаил.

– У нас нет времени для разговоров, – недовольно ответил Фёдор.

– Ну, а всё же Фёдор? Язык говорит, а ноги идут. Одно другому не мешает. Скажи, Фёдор, – не унимался Михаил.

– О, Аллах, ниспославший Писание и скорый в расчёте, нанеси поражение этим людям. О, Аллах, разбей и потряси их, – вот о чём они так усердно просили.

– Какая наглость! Сами на нас напали, отняли наш скот и теперь просят, чтобы нас наказали! – с возмущением произнёс Азарий.

– Да, действительно, – подхватил Михаил.

– Если Христос говорил о любви и прощении врагов, то их Мухаммед призывал к джихаду и войне против неверных. Он был у них не только пророком, но и великим завоевателем.

– Откуда ты всё это знаешь? – спросил Михаил, удивлённый столь обширным познаниям Фёдора.

– Язык и обычаи своих недругов нужно знать, – серьёзно ответил Фёдор и насторожился.

– Фёдор, ты чего встал? – наступив ему на задник сапога, спросил удивленный Михаил.

– А ты глянь вон туда, – тихо произнёс Фёдор и показал в сторону.

– Ничего не вижу, – свысока осматривая округу, произнёс Михаил.

Он был выше всех ростом, и осматривать местность считал своим долгом.

– Ты чего морду вверх задрал? Я тебе вот куда, на кусты показываю, – прошептал Фёдор.

– Волки! – с досадой крикнул Данил.

– Матерь Божья! Да их тут целая стая! Этого нам ещё не хватало, – произнёс Михаил, целясь в волков.

– Подожди, Михаил, не стреляй, – остановил его Фёдор.

– Почему? – с возмущением произнёс Михаил.

– Разве сам не понимаешь? Выстрелом мы можем встревожить разбойников и сорвать план наших действий. Попробуем отбиться от волков без выстрелов или увести их чуть подальше, в низину, звуки выстрелов там будут разноситься слабее, – сказал Фёдор.

– Чёрт возьми, но я не хочу, чтобы мною пообедали эти серые псы, – произнёс недовольно Михаил.

– Смотрите сколько их тут, штук пять или шесть, да большие какие, прямо как бычки, – сказал Иванов Данил, нацеливая на них дуло своего ружья.

Волки, преследуя группу Фёдора Бочарникова, злобно щёлкали зубами и показывали свои острые клыки. В их зелёных глазах горел хищный огонь, который вынуждал всю группу держать свои ружья на взводе.

Расстояние между людьми и стаей волков стало сокращаться. Волки оказались хорошими стратегами.

Взвесив обстановку и решив, что люди от них никуда не денутся, они окружили их с четырёх сторон, легли на землю и стали медленно подкрадываться к ним с оскаленными пастьми, сужая круг.

– Надо ветки жечь и в волков бросать. Они до смерти огонь боятся, – сказал Михаил.

– Ветки не жечь и не бросать, вон какая жара стоит. Только чиркни спичку – лес тут же вспыхнет, – ответил Фёдор.

– Пошли, сволочи, – крикнул Данил и бросил в одного волка большой сук.

Волк отбежал в сторону.

– Мужики, уходим влево. Гляньте, какая куча камней там лежит, – произнёс Данил, уходя влево от волков.

Отгоняя палками волка, находившегося в левой стороне, они пошли к камням. Волки поползли следом.

– Михаил и Данил, возьмите по камню и целтесь вон тем волкам прямо в морды. А ты, Азарий, держи ружьё на взводе. Твоя кровь взбесила волков, и они в первую очередь бросятся на тебя, – сказал Фёдор и встал рядом с Азарием, чтобы отстреливаться в случае нападения.

Он хотел оттянуть время, чтобы разбойники ушли чуть дальше и не поняли, откуда выстрелы.

Азарий непрерывно ругал себя за то, что создал столько проблем группе, чего раньше с ним никогда не случалось.

По мере приближения к людям, хищные глаза волков разгорались всё больше, пока не зажглись настоящим огнём в тени деревьев.

Два волка оказались нетерпеливее других и, злобно щёлкая зубами, впились своими жёлтыми глазками в Азария, готовые к прыжку.

Михаил и Данил взяли с земли огромные камни и, приподняв их над головой, ждали команду.

– Бросайте, – скомандовал Фёдор.

И тут же послышался волчий визг.

Одного волка Данил ударил по голове, а другому Михаил перебил передние лапы.

Получив сильный удар по голове, волк закружился на месте. Другой же, с отбитыми передними лапами, встал на задние ноги, оскалил свою пасть и прыгнул в сторону Азария. Фёдор выстрелил в упор и попал прямо в оскаленную пасть волка.

Теперь, уходя в сторону от волков, стреляли все четверо.

Три оставшихся волка вскочили на ноги и, совершенно озверев, с оскаленными пастьми бросились на Азария.

– Азарий стреляй, – крикнул Фёдор и выстрелил в волка. Волк, сражённый в голову, свалился на траву.

У Азария снова поплыли тёмные круги перед глазами.

Двух других волков сразили наповал Данил и Михаил. Убитые волки беспомощно валялись на земле и выли, вздрагивая ногами или головой.

Испуганный выстрелами и жутким волчьим воем, сквозь колючую чащу бежал на них разъярённый дикий кабан с налитыми кровью глазами.

– Только тебя тут не хватало! – с досадой произнёс Фёдор.

Кабан бежал прямо на них. Душераздирающий вой волков сильно его испугал, вызвав агрессивный шок.

– За дуб, быстро! – скомандовал Фёдор.

Все четверо спрятались за дуб.

Это не спасло бойцов. Пробежав с визгом мимо дуба, кабан развернулся и, выставляя вперёд свои длинные клыки, снова бросился на них.

– Пошёл прочь! – крикнул Фёдор.

Голос Фёдора потонул в кабаньем визге.

– Пристрелить его, – крикнул Фёдор.

И тут же грянули четыре выстрела. Раненный кабан всё ещё бежал на них, пытаясь взрыть своими клыкам животы своих врагов.

– Мужики, теперь вы видите, что делает паника и страх? – сказал Фёдор, указывая на разъярённого кабана, падающего на землю и взрывающего клыками от смертельной боли из земли корни деревьев.

– Да, если бы он не испугался, то так бы и сидел там, в чаще, – с аппетитом рассматривая кабана, сказал Михаил.

– Всё, пошли, хватит облизываться, – сказал ему Фёдор.

Михаил пошёл, оглядываясь на кабана. Ему было жаль оставлять такую гору мяса на растерзание волкам и шакалам. Он ещё раз облизнулся и пошёл дальше.

До реки оставалось несколько метров.

– Азарий, беги к реке и смой кровь, – сказал Фёдор.

Азарий пошёл к реке, а Фёдор стал искать переход и подъём в гору с другой стороны реки.

– Всё, мужики, пошли, я нашёл удобный переход. Именно здесь я проходил три года назад, – сказал Фёдор, рассматривая крутую гору с противоположной стороны реки.

– Пошли, пока татары не нарвались на нас. Они, наверное, слышали, как мы тут в волков стреляли, – сказал Данил.

– Азарий, ты там скоро? – крикнул Фёдор.

– Всё, иду, – отозвался Азарий.

Им не пришлось долго подниматься, так как, услышав выстрелы, вся группа пошла к ним на помощь. Соединившись с группой, Фёдор повёл её через реку и, преодолев горный перевал, вышел навстречу разбойникам, которые гнали коров к границе. Затем, осмотрев местность, Фёдор подвёл группу ко второму ущелью и затаился в лесной чаще.

– Фёдор, я думаю, что нам лучше подойти к границе и встретить там разбойников вместе с пограничниками, – уверенно произнёс Михаил.

– Нет, Михаил, нам не нужны человеческие жертвы. Мы должны напасть на разбойников неожиданно и отбить скот. А с пограничниками встретятся казаки.

– Ты думаешь, что они отдадут нам скот без боя?

– Я думаю, что основная масса разбойников занята боевыми действиями, а с погонщиками коров мы вполне можем справиться. Я считаю, что это самое удобное место для нападения. Перед входом в ущелье крутой поворот – это как раз то, что нам сейчас нужно, – сказал Фёдор.

– Фёдор, почему ты думаешь, что они пойдут сейчас именно здесь? – недоверчиво произнес Михаил.

– Для разбойников это самый короткий и безопасный путь. Как только они войдут в это ущелье, так сразу же станут неуязвимыми. Мы не сможем подойти к ним, – ответил Фёдор.

– Они уже близко, – нетерпеливо произнёс Михаил, прислушиваясь к доносившимся звукам.

– Я всё слышу, – спокойным тоном ответил Фёдор и добавил, – а тебе, Михаил, нужно чаще вспоминать кабана, которого к смерти привёл собственный страх.

– Фёдор, ты считаешь меня трусом? – с возмущением произнёс Михаил.

– Трусом я тебя не считаю, но боевой выдержки тебе не хватает, – ответил он.

Теперь уже весь отряд слышал топот копыт и мычание коров, которые эхом разлетались по лесу.

– Всем приготовиться, – скомандовал Фёдор.

– Вот они, – сказал Данил, увидев скачущих разбойников с чалмами на головах, длинными кинжалами за поясом и с оружием в руках.

- Уйдут, – с беспокойством произнёс Михаил, стоявший рядом с Фёдором.
- Пусть уходят. И чем дальше, тем лучше, – спокойно ответил Фёдор.

Нетерпеливые разбойники рвались к границе, чтобы убрать с пути пограничников, оставив далеко позади себя скот.

– Смотри, Фёдор, а пастухов-то пять человек всего, – вытянув свою длинную шею, с удивлением произнёс Михаил.

- Неужели? Это на них не похоже, – с таким же удивлением ответил Фёдор.

- Истинный Бог! – уверенно произнёс Михаил.

– Постараемся взять их без шума. Пропускаем скот и, поравнявшись с пастухами, окружаем их. А теперь разбиваемся на четыре группы и занимаем намеченные позиции, – тихо произнёс Фёдор.

Одна корова отделилась от стада и побежала в их сторону. Следом за коровой поскакал и разбойник, чтобы вернуть её в стадо. Но каково было его удивление, когда, заскакав следом за коровой за кусты боярышника, он увидел там вооружённых сельчан, с наставленными на него дулами оружий.

Он хотел выстрелить и тем самым предупредить своих собратьев, но кольцо вокруг него быстро сжалось, и он опустил ружьё.

Данил выхватил из его рук ружьё, а Михаил с Фёдором стащили его с коня и связали верёвкой руки.

- Ты из банды Алихана? – на тюркском языке спросил его Фёдор.

От злости и страха разбойник побледнел и, стиснув зубы, с затравленным видом озирался по сторонам. По всему было видно, что он не собирался говорить с Фёдором.

Разбойники чуть приостановились, дожидаясь своего друга.

– Отвечай, собака или получишь пулю в лоб, – приставив дуло ко лбу разбойника, со злостью произнёс Фёдор.

- Да, – молча кивнул головой разбойник.

Банда Алихана была очень большой и коварной, часто нападавшей на привольненский скот.

- Где он сейчас? – спросил Фёдор на тюркском, не отрывая дула ружья со лба разбойника.

- Там, – махнул он рукой в сторону первого ущелья.

- В этом я не сомневался, – ответил Фёдор.

- Ай, Махмуд, ты где? – нетерпеливо крикнул один разбойник на родном языке.

- Скажи своим друзьям, чтобы сюда шли, – сердито произнёс Фёдор.

- Нет, не буду звать, – по-волчьи оскалив свои зубы, прошептал Махмуд.

- Зови быстро, иначе считаю до трёх и стреляю, – произнёс Фёдор.

– Отойди, Фёдор, ты чего возишься с ним, я сейчас одним махом голову с него снесу, – грозно произнёс казак, вынимая из-за пояса кинжал.

Вид у Михаила был до того решительный, что Махмуд не сомневался, что через секунду голова его слетит с плеч. Казаков разбойники очень боялись.

- Я здесь. Идите сюда, – дрожащим голосом крикнул Махмуд.

- Нам нельзя скот бросать, – ответил один из разбойников.

– Я сказал, идите сюда, дело есть, – истерично крикнул Махмуд, отстраняя дуло ружья со своего лба.

- Хорошо, идём, – послышалось в ответ.

- Нет! – всё-таки выкрикнул Махмуд в надежде предупредить разбойников.

Но было поздно, так как все четверо были уже окружены. Их так же, как и Махмуда, разоружили и связали верёвками.

– Глаза бы им ещё завязать, чтобы не видели, куда мы скотину погоним, – с усмешкой произнёс казак.

– А ведь ты прав, Михаил, – сказал Фёдор.

Мужики быстро сорвали с одного разбойника рубаху, разорвали её и завязали всем пятерым глаза.

– Вот теперь порядок, – произнёс довольный Михаил.

Разбойники всё ещё удерживали позицию возле первого ущелья, когда отряд Фёдора вместе со скотом, обогнув гору, остановился возле реки в ста метрах от первого ущелья. Алихан нервничал. Он ждал погонщика Махмуда, который по его расчётам давно уже должен был прискакать и сообщить ему о том, что скот вошёл во второе ущелье. Но Махмуда всё не было.

– Мужики, ждите нас тут, а мы с Данилом пойдём своих позовём, – громко крикнул Фёдор.

– Фёдор, позволь и мне пойти с вами, – жалобным тоном произнёс Михаил.

– Чего надумал? – с серьёзным видом спросил Фёдор.

– Уж больно хочется мне с Алиханом погутарить. Просто распирает меня всего от желания, – ответил Михаил.

– О чём говорить собираешься? – спросил Фёдор.

– Скажу, чтоб воинов своих развязал, – ответил Михаил.

– Только шею свою длинную сильно не высовывай, – сказал Фёдор, зная неугомонный нрав Михаила.

– Ясное дело, – ответил довольный Михаил.

Он быстро снял с головы свою казацкую шапку, нарвал траву, наложил её на голову и спину и пополз по траве к дубу, который рос рядом с баррикадами.

Михаил дополз до дуба, поднял с земли сухую палку одел на один конец шапку и, высунув её из-за дуба, громко крикнул:

– Эй, Алихан! Ты меня слышишь?

– Пошёл на куй, – злобно ответил Алихан.

И тут же пуля сбила шапку казака.

– Алихан! Не стреляй! Дело есть к тебе, – крикнул Михаил, высовывая свою шапку с другой стороны дуба.

– Чего хочешь? – выкрикнул Алихан.

– Алихан, пойдёшь, развяжи своих воинов, а то боюсь, что их волки разорвут. Они сидят возле ущелья с завязанными глазами, – сказал Михаил.

– Врёшь, свинья! – с испугом выкрикнул Алихан и стал стрелять по дубу.

– Что не веришь? Хочешь, мы тебе своих коров покажем? Они здесь, у нас. Да прекрати ты стрелять, – крикнул из-за дуба Михаил.

Алихан действительно перестал стрелять и тут же услышал мычание коров с противоположной стороны. В его сердце сразу же закралось сомнение, но он взял себя в руки и крикнул:

– Пошёл на куй. Это другие коровы.

– Не другие, это те самые. Мы их только что у твоего погонщика Махмуда отбили, – ответил Михаил.

– Собаки! Убью всех! – в бешенстве закричал Алихан, сообразив, что его джигиты упустили скот.

– Поторопись, Алихан, а то всех своих воинов растеряешь, – крикнул Михаил, высовывая свою шапку из-за дуба.

Алихан выстрелил ещё три раза в сторону дуба, затем вскочил на коня и поскакал вместе со своей гвардией к границе.

Глава третья

Вскоре после нападения разбойников на скот поп пригласил Олесю в молельный дом. Она пошла туда со своей дочкой. Бабушка категорически отказалась принимать новую веру. Олеся всю дорогу шла и оглядывалась в надежде, что бабушка изменит своё решение и пойдёт с ними, но старуха была непоколебима.

В конце улицы, перед поворотом в переулок, Олеся остановилась и посмотрела назад.

Девочка поняла свою мать и спросила:

– Мама, а почему бабушка не идёт с нами в молельный дом?

– Она не может туда идти, – ответила Олеся.

– Почему, мама?

– Потому что она старенькая и ей будет очень трудно привыкать к новым законам и обычаям, – ответила Олеся.

Она последний раз шла по земле Олесей. С тревожно бьющимся сердцем она вошла в молельный дом. Там все уже было готово для проведения таинственного обряда посвящения её субботническую веру. Из молельного дома она вышла Рахилью, а её дочь – Диворой. Несмотря на то, что Олеся стала субботницей, земельный надел ей не выделили, так как по закону земля распределялась только на мужчин. Староста Семён предложил ей выйти замуж за вдовца, на что Олеся ответила, что предпочитает остаться работницей. Выйдя из молельного дома, Олеся почувствовала сильное душевное просветление. А в голове всё ещё звучали слова попа Якова, который говорил в присутствии старейшин:

– Осознано ли ты, дочь моя,ходишь в наш дом, принимая нашу веру? Ведь пути назад не будет. Ты должна навеки остаться с нами.

– Да, осознано. Я, великая раскаявшаяся грешница, иду к вам осознанно, иду к вам с верой, любовью и чистой душой, – без сомнения ответила Олеся.

Рахиль была очень рада, что обрела надёжную семью мудрых, и мужественных сельчан, готовых в любую минуту прийти к ней на помощь. Она шла и светилась от счастья, в полной мере осознав, что нашла, наконец, свой причал и ей не придётся больше скитаться по свету в поисках ночлега. И нашла она его, пройдя через нечеловеческие муки и лишения. И пусть у неё ещё не было своего угла, зато был у неё теперь молельный дом, в который она могла входить как в собственный.

– Благодарю тебя, Отец Небесный, – тихо произнесла Рахиль и с любовью посмотрела на небо.

Со стороны моря бежала небольшая тучка.

– Вот и дождь дождался, – произнесла Рахиль, рассматривая тучку.

– Мама, мне можно будет под дождём побегать? – спросила Дивора.

– Конечно можно, – ответила Рахиль.

Если случалось, что летом шёл дождь, то он был тёплым, и дети часто резвились и играли под ним.

– Дивора, сейчас зайдём в магазин и купим чай, – сказала Рахиль.

– А конфеты купим?

– Купим и конфеты, – ответила Рахиль.

Они вошли в магазин, купили чай с конфетами и пошли к двери. Впереди них шла молодая женщина, Маруся Огончиха, а рядом с ней шёл казак Михаил.

Чернов. Увидев дождь, Маруся остановилась и радостно произнесла:

– Ой! Дождик идёт!

– Маруся, не идёт, а идёт, – поправил её казак.

– Не идёт, а моросить, – взглянув на казака, выпалила Маруся.

Рахиль улыбнулась и пошла с Диворой под дождём, который быстро прекратился. Старуха поджидала их во дворе дома, где они временно проживали.

– Олеся... – хотела что-то спросить старуха у внучки.

– Прости меня, бабушка, – опустив глаза, тихо произнесла Рахиль.

– За что, Олеся?

– Бабушка, Олеси больше нет. Теперь я – Рахиль. А моя дочь – Дивора.

– Как Рахиль? Что ты говоришь, внучка? Ты не шутишь со мной, Олеся?

– Нет, бабушка, я не шучу, теперь я действительно Рахиль, – ответила внучка.

– Ну что ж, может оно и к лучшему. Говорят, что человек, изменив своё имя, отрезает своё прошлое. У него начинается новая жизнь. Пусть так и будет. Значит, всё так и должно быть, – сказала старуха и, сгорбившись, медленно пошла в домик.

На следующий день на восходе солнца Рахиль шла по улице в дом попа и с упоением смотрела на то, как в каждом доме перед открытыми окнами стояли жители села и молились живому Отцу Небесному. При том мужские голоса сливались с женскими, мелодично переливались с нежными детскими голосками.

– Господи помилуй. Господи помилуй. Господи поми...лу...й, – доносилось до Рахили со всех сторон.

Пело всё село. Сердце Рахили сладостно затрепетало. Она никогда ещё не слышала такого божественного пения, этой чистоты, которую с умилением стремился донести до Отца Небесного каждый сельчанин. Она почувствовала воздух, наполненный духовной гармонией, которая расстилалась над домами, деревьями и поднималась в небо. Здесь всё дышало верой, достатком и привольем, за что сельчане благодарили Отца Небесного. На улице не было видно ни одной живой души: все стояли перед окнами и пели, простирая руки к Отцу Небесному, а тот, кто в это время находился в поле, поворачивался к восходящему солнцу и тоже пел. Рахиль немного устыдилась, ведь и она теперь субботница и тоже должна стоять у окна и петь.

Она шла вдоль улицы, слушала пение и чувствовала, как с двух сторон впивались ей в спину глаза молившихся, провожая её удивлённым и осуждающим взглядом. Рахиль пошла быстрее.

В благодарность за то, что бабушка Рахили помогла Матвею вернуться к жизни, поп с попадьей предоставили им для жилья заднюю избу в большом доме, окна которой выходили на южную сторону. Из окна хорошо были видны Талышские горы и лес.

Рахиль долго стояла у окна и смотрела вдаль, за речку, мысленно окунаясь в лесную прохладу, пока в комнату не вбежала Диворочка.

– Мама, дедушка сказал, чтобы ты затопила баню, – сказала девочка.

В пятницу после обеда все жители села топили бани. Мылись в обязательном порядке и хозяева и работники. Бани топились по-чёрному: весь дым выходил через дверь, но когда прогорали все дрова, закипал котёл с водой и выходил весь угарный газ, париться в ней было одно удовольствие.

Рахиль зачерпнула из ведра ковш холодной воды и плеснула на раскалённые камни. Они дружно зашипели, разметая по бане горячий пар.

– Жарковато, – подумала Рахиль и открыла настежь дверь бани.

– Рахиль, пойдёшь сюда, – с порога позвал её поп.

Она положила ковш на лавку и вышла из бани.

– Рахиль, моя Сара хочет поговорить с тобой, – сказал поп, когда Рахиль подошла к нему.

«Неужели я что-то сделала не так? Может, я посуду перепутала? Только не это!» – с беспокойством думала Рахиль, пока шла к Саре.

Этого она боялась больше всего. Посуда у сельчан разделялась очень чётко: пасхальная, мясная и постная. И не дай Бог кому-то перепутать её.

Но, войдя в избу к Саре, по выражению её лица Рахиль сразу же поняла, что хозяйка ею довольна.

– Садись, Рахиль, отдохни маленько, а то, небось, умаялась за день, – заботливо произнесла Сара.

– Спасибо, – ответила Рахиль и присела на стул.

Сара посмотрела на Матвея, лежавшего на кровати, и строго произнесла:

– Матвей, закрой свои уши, мне нужно поговорить с Рахилью.

– Я могу и выйти, – вставая с кровати, ответил внук.

– Я тебе выйду! Какой герой нашёлся. Прямо сейчас он встанет и пойдёт. Не думает, что голова от слабости закружится и может упасть, – сказала вошедшая в это время в избу мать.

– Да я выходил уже. Если бы вы так сильно не опекали меня, я бы давно уже ходил. Вы же сами слышали, как бабушка говорила, что у меня очень крепкий организм, и я давно уже пошёл на поправку, – недовольно ответил Матвей.

Рахиль добродушно посмотрела на Матвея и, улыбнувшись, произнесла:

– Молодец, Матвей, ты вырастешь настоящим мужчиной.

– Дай-то Бог! – ответила его мать.

Чтобы ничего не слышать, Матвей положил себе на голову подушку и ладонями закрыл уши.

– Рахиль, сядь ко мне на кровать, – тихо произнесла Сара.

Рахиль присела на кровать.

Сара склонилась к уху Рахили и тихо произнесла:

– Рахиль, если «наступишь на мыша», то непременно подойди ко мне и скажи об этом. Тада всю работу по дому будет делать мой Яков. Нечистой нельзя месить тесто, печь хлеб и готовить еду. Это большой грех.

Рахиль слегка покраснела и опустила глаза.

– Да ты не смущайся, Рахиль. У нас все бабы один раз в месяц сидят в углу, а мужики работают по дому. Наши мужики правильно к этому относятся, и всё делают так, как положено.

– Хорошо, тетя Сара, я обязательно вам скажу, – вставая с кровати, ответила Рахиль.

И не забудь завтра встать до восхода солнца и помолиться, – сказала Сара.

– Не забуду. Дядя Яков уже дал мне молитвенники, – ответила Рахиль и пошла к двери.

Она взяла поднос, положила на него еду для Сары и понесла в избу. Поставив поднос на стул, Рахиль принесла маленький столик, поставила его возле кровати Сары и переложила еду на него.

Сара долго сидела молча и глядела на еду, а затем жалобно произнесла, покачивая головой:

– О...х! Ды мил...л...лая ты моя душа! Чего хочешь? Глянь, всё есть. И рыба, и холодец, и салатик из помидор, и фрукты... Ешь, милая душа моя, ешь... Нет. Ничего не хоча.

Сара сидела и сокрушённо качала головой. Происшествие с внуком сильно ухудшило её самочувствие.

– Тётя Сара, скажите, что вы хотите? Я приготовлю.

– Ох! Рон малое дитё я стала, сама ня знаю, чё хочу, – ответила Сара.

Рахиль постояла немного возле неё и пошла к двери.

– Рахиль, – крикнула ей вслед хозяйка.

– Что, тётя Сара? – остановившись, спросила Рахиль.

– Рахиль, скажи там Якову, чтобы он из белого винограда чидок суслу надавил. Может с охотки выпью чидочик.

Рахиль спустилась с порога, передала хозяину просьбу его жены, а затем взяла ведро с пшеницей и отправилась кормить кур.

– Тип, тип, тип, – кричала Рахиль, разбрасывая то земле пшеницу.

На зов со всех сторон стали сбегаться куры.

Данил, увидев во дворе Рахиль, взял валявшийся возле кучи дров топор и пошёл глубже забивать столбик в заборе, который находился прямо против Рахили.

Она тут же повернулась и встала спиной к Данилу.

Данил молча стоял и стучал по столбику топором, не отрывая свой взгляд от Рахили.

Неожиданно для себя Данил схватил левой рукой за вершину столбика и, стукнув по нему топором, задел большой палец левой руки.

От боли Данил отдернул руку от столбика и подул на него.

В это время мимо него проходила мать с ведром винограда в руке.

– Данил, смотри, пальцы топором отрубишь. Разве можно топором бить не глядя? Ты уже третий день по этому столбику бьёшь. Пойди лучше с улицы калитку поправь. Вчера ещё с петли слетела, – недовольно произнесла она.

– Сейчас поправлю, – ответил сын.

– Данил, что, ты, всё ходишь, да выглядываешь? Неужели тебе девчат в селе мало? Раньше ты не возражал, чтобы мы Веру засватали, – крикнула мать ему вслед.

– Не возражал, да и согласия не давал. Вы сами за меня всё решили, – ответил Данил.

– И что теперь прикажешь делать нам? – спросила мать.

– Делайте что хотите, – разочарованно произнёс Данил и пошёл поправлять калитку.

– Вот ещё присосалась. И стыда совсем нет, – громко сказала тётя Вера и пошла за Данилом.

Рахиль слышала её слова, но не обернулась.

Слова матери больно хлестнули по сердцу Данила.

Он остановился и тихо сказал подошедшей к нему матери:

– Мама, я как сын люблю и почитаю тебя, но прошу впредь не трогать Рахиль, мне и без того тошно.

Данил с таким серьёзным видом посмотрел в глаза матери, что она сразу же поверила в искренность его слов.

В субботу Рахиль проснулась до восхода солнца. Она подошла к Диворе, которая спала в детской кроватке, укрыла её тоненьким одеяльцем и улыбнулась своим мыслям. Девочка зашевелилась и сбросила с себя одеяло.

Рахиль вышла во двор и сполоснула руки чистой водой. В субботу запрещалось мыть руки с мылом. Руки целый день должны быть чистыми. Затем она повязала голову белым платком и впервые в жизни встала у стола при открытых окнах лицом на восток, взяв в руки святое писание.

В субботу можно было только молиться, кушать и отдыхать. И люди молились: на восходе и закате солнца дома, а в течение дня в молельном доме.

В этот день освобождались от работы не только хозяева, но и все работники.

Коров не доили, а вместе с телятами выгоняли на луга и они целый день сосали молока столько, сколько хотели. Коней к реке водили поить за узду, а, напоив, выпускали в поле.

Теперь, освобождённая от всякой работы на целый день, Рахиль предалась самой себе, взяв в руки самую великую книгу из книг.

С замиранием сердца она открыла страницу книги и, медленно складывая буквы в слова, прочитала:

Псаломь 6.7

«Господи! Не во гневе Твоём обличай меня,
И не в ярости Твоей наказывай меня.

Помилуй меня, Господи, ибо я изнемогъ;
Исцели меня, Господи, ибо кости мои потряслись,
И душа моя сильно потрясена;
Ты же Господи доколь?»

Рахиль оторвала глаза от писания и посмотрела в небо. В глазах Рахили блеснули слёзы. Её поразила глубина и смысл святого писания. Рахили показалось, что эти слова были написаны для её души. Она вытерла платочком слёзы, которые бежали по её щекам, и долго смотрела на золотисто-розовые кудри зари, вплетающиеся в белоснежные облака.

Затем она взяла в руки Псалтирь, открыла первую страницу и прочитала:

«Книга хвалений или
Псалтирь
Российскомъ языке
Одиннадцатое издание.
Цена в переплёте 1 руб 50 коп.
Санктпетербургъ
Въ типографии Российского
Библейска общества.
1823».

Сердце Рахили замирало от радости: сбылась её давняя мечта. Она научилась складывать буквы в слова.

– А ведь как хорошо-то читать! Всего несколько строчек прочитала. А сколько узнала всего! Оказывается, Псалтирь напечатан в 1823 году. Меня тогда и на свете ещё не было, – подумала Рахиль.

Неожиданно Рахиль вздрогнула. Она встретила знакомое слово.

– Санктпетербургъ, – тихо произнесла Рахиль, и голова её закружилась от былых воспоминаний.

Это был тот самый город с большими красивыми домами, о котором ей рассказывал Иван.

– Нет! Прочь воспоминания. Прошлого для меня нет. Оно отрезано для меня вместе с именем. Теперь я – Рахиль. Я забуду всё, что, было, забуду и Ивана.

Но её сердце рвалось на клочья при мысли об Иване, и она ничего не могла с этим поделать.

– Ваня, Ванечка! Нет больше твоей Олеси, – чуть слышно произнесли её губы.

Слёзы невольно покатились из её глаз, и она не могла их остановить. Слишком глубоко запал в её сердце Иван и восьмилетняя разлука с ним ничуть не остудила её любовь к нему.

Буквы перед глазами Рахили стали прыгать и расплываться.

– Господи! Да что же это со мной? Ведь я – Рахиль! Прости, меня, Господи! – в глубоком раскаянии произнесла она.

Рахиль посмотрела на стайку летающих перед окном голубей и, слегка успокоившись, перевернула страницу. Чем дальше она читала, тем ровнее становились буквы и легче складывались в слова.

«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивыхъ, и не стоит на пути грешныхъ, и не сидит въ собрании развращённыхъ» – прочитала Рахиль.

И вновь её поразила глубина писания. Она была потрясена своим открытием. Её жаждающая душа, наконец, прикоснулась к извечно живому роднику познаний. Перед Рахилью открылся новый, доселе не познанный ею мир, в который она окунулась с головой.

«Надо же? Слова из святого писания сами рвутся в сердце и остаются там», – с удивлением подумала Рахиль, осмысливая прочитанное.

Она посмотрела на летающих перед окном голубей, затем перевела свой взгляд на отдалённые горы и неожиданно для себя произнесла вслух прочитанный псалом.

Слова сами полились из её сердца:

– Господи! Не во гневе Твоём обличай меня.
И не в ярости Твоей наказывай меня.
Помилуй меня, Господи, ибо я изнемогла.
Исцели меня, Господи, ибо кости мои потряслись.
И душа моя сильно потрясена.
Ты же, Господи, доколь?

Глава четвёртая

Рахиль стояла на крыльце у стола с рубелём в руках и разглаживала им холщёвые рушники, когда её позвала хозяйка. Рахиль отложила свою работу и подошла к ней.

– Рахиль, сходи на речку под Пашкино за родниковой водой. Что-то мне захотелось попить водицы из того родничка. Прямо нутро всё горит. Кажется, выпила бы той водицы – так сразу бы и легче стало.

– Конечно, схожу, тётя Сара. Прямо сейчас же и пойду, – ответила Рахиль.

– Ну, спасибо тебе, Рахиль. Только дальше родника одна никада не ходи, – сказала хозяйка.

– Почему? – с удивлением спросила Рахиль.

– Потому что в зарослях в обрыве над рекой живёт змей-баран.

– А разве змей-бараны существуют?

– Конечно, существуют. Именно такой змей и живет там.

– Это змей или баран?

– Это огромный змей, а кричит как баран.

– А нельзя ли поймать его? Вон сколько наших мужиков и казаков в селе!

– Не раз пытались мужики, только ничего у них не получалось. Уж больно хитрый он, днём спит, а ночью хозяйничает. И самое интересное это то, что он нападает на человека только в том случае, если он идёт один. А если вдвоём или втроём будут идти, то ни за что не нападёт. Хоть с ребёнком иди. Всё равно не нападёт.

– Странный змей. И много людей он погубил?

– Поначалу, как только мы пришли сюды, много людей он загубил. Люди тогда ещё не знали ничего об этом змее, и как только какой мужик задержится допоздна на своём поле и пойдёт домой через Пашкино, так и пропадёт.

– Они совсем пропадали?

– Были случаи, что совсем пропадали. А так находили людей умерших от укусов змея или душенных его хвостом.

– А когда произошёл последний случай?

– Да уж несколько лет не трогает никого. А недавно сосед наш, Ананий Тушов, что напротив живет, слышал, как там баран кричал. Только он не один там проходил. С ним собака была, потому змей и не тронул его.

– Страшную вещь вы рассказали мне, тётя Сара. Теперь я буду более осмотрительной, – задумчиво произнесла Рахиль.

– Только ты, Рахиль, сильно не пужайся, днём ни разу никто не видал его. Днём бабы даже бельё ходят полоскать туды. Дуже вода чистая да прозрачная там, прямо все камешки на дне реки видны и все рыбки видны, что в реке плавают. А ежевика какая там растёт! Крупная да сочная, гроздья такие большие, будто кисти винограда над водой склонились, – с любовью произнесла Сара.

– Ну, хорошо, тетя Сара, я пошла, – сказала Рахиль и направилась к двери.

– Иди, Рахиль, – произнесла ей вслед Сара.

Рахиль зашла под навес, взяла там два пустых ведра и пошла под Пашкино за родниковой водой. Её путь лежал через сад по па и далее через крутой склон к реке. Спускаясь по склону к реке, Рахиль с большим интересом рассматривала противоположный обрывистый берег реки, где, по словам Сары, затаился лютый змей баран. Склон действительно имел диковатый вид и угрожающе нависал над рекой. Теперь Рахиль не сомневалась, что он был неприступным рассадником змей, так как к нему невозможно было подобраться ни с какой стороны. А непроходимая чаща, кусты и деревья говорили о том, что их никогда не касалась рука человека.

Спустившись к роднику, Рахиль зачерпнула кружкой воду и всю, без остановки, выпила. Вода была очень вкусной и холодной. Затем с помощью кружки она набрала воду в два ведра и невольно залюбовалась рыбками, которые плавали в реке у самых её ног. А вода, действительно, была такой чистой, что видны были все камешки на дне реки и рыбки, плавающие над ними. Река в этом месте плавно несла свои горные воды, омывая каждый камешек прохладной водой, издавая лёгкую, журчащую мелодию. Она пела тихо и мелодично, как может петь молодая красавица, склонившись над колыбелькой своего крохотного младенца. И до того музыка была сладкой и проникновенной, что Рахиль замерла, склонившись над водой.

Слушая музыку и любуясь движением рыбок, Рахиль вдруг почувствовала, что кто-то подошёл к ней сзади. От неожиданности она вздрогнула, невольно вспомнив рассказ Сары. Неприятное чувство охватило сердце Рахили.

– Здравствуй, Рахиль, – услышала она голос Данила.

– Здравствуй, Данил, – ответила Рахиль, повернувшись к нему лицом.

Рахиль была очень рада, что это был именно Данил, а не кто-то иной.

Данил посмотрел на руки Рахили, на кружку и невольно взгляд его упал на ее грудь. Данил с трудом проглотил слюну и, пытаясь овладеть собой, встряхнул своим кудрявым русым чупом и дотронулся до своей бороды. В селе Привольном все мужчины носили бороды.

Рахиль посмотрела на Данила и приветливо улыбнулась ему. При этом вся она искрилась солнцем и светом, ослепляя Данила своими белоснежными зубами, редкой красотой и нерастраченной женской нежностью.

Данил стоял, смотрел на Рахиль и не мог оторвать свой взгляд от ее бездонных глаз. Он впервые в жизни утонул в женских глазах и был от этого счастлив... Его сердце ныло и стонало от боли и в то же время ликовало, впадая в сладострастие под взглядом Рахили.

– Рахиль... – произнёс Данил, приближаясь к ней.

Перед глазами Рахили закружил образ Ивана.

– Иван! – беззвучно прошептали её губы, и земля поплыла под ногами.

Никого кроме Ивана не желало впускать её сердце.

«Иван, только Иван!» – тревожно стучало оно.

Рахили до боли захотелось, чтобы сейчас перед нею стоял Иван и смотрел на неё с такой же нежностью и любовью, с какой смотрел Данил. Её разум говорил о том, что Данил добрый, надёжный человек, что она будет жить с ним как за каменной стеной, но сердце бунтовало и каждой своей клеточкой выступало против Данила. Она чуть не застонала от сознания того, что ничего не может изменить в своей жизни. Её сердце было неподвластно разуму.

«Иван, только Иван!» – безжалостно колотилось сердце в груди, усиленно разбрызгивая кровь по венам.

Улыбка бесследно исчезла с губ Рахили. Вид у неё стал необычайно серьёзный и сосредоточенный.

Несколько дней Данил ходил за Рахилью молча. А теперь, оказавшись с нею наедине у родника, он решил, наконец, признаться ей в своей любви.

Его будто прорвало. Жаркие слова любви били ключом из его опалённого приграничными боями сердца.

Дожив до двадцати восьми лет, он впервые в жизни признавался женщине в любви, признавался страстно и пламенно.

Неожиданно для самого себя он схватил Рахиль за руку.

– Отпусти, Данил, – строго произнесла Рахиль и с силой дёрнула руку.

Встретившись с сердитым взглядом Рахили, он невольно отпустил её руку.

Рахиль с опасением посмотрела по сторонам. Ей очень не хотелось, чтобы кто-то из сельчан увидел их вместе.

– Рахиль, выходи за меня. Завтра же сватов пришлю. Не откажешь? Столько лет бобылём ходил, тебя ждал. Всегда знал, что ты есть на свете, что обязательно встречу тебя, единственную любовь мою, потому и жил бобылём. Как увидел тогда тебя возле забора, так сразу внутри всё оборвалось. С тех пор и сохну по тебе, Рахиль, без тебя и Божий свет мне не мил. Только тебя и вижу одну. Ответь, Рахиль, Христом Богом прошу тебя. Выйдешь за меня? Дочь твою как родную любить буду.

А она, испугавшись его слов, стала медленно отходить вглубь берега, пока не наткнулась спиной на тутовое дерево.

При этом с её губ чуть слышно срывались слова:

– Нет, Данил, не надо. Ты мой сосед и не более. У тебя есть Верочка. Ты скоро пойдёшь её сватать. Мне это дядя Яков сказал.

– Верочка, говоришь? Её собираются сватать мои родители, но не я.

– Я не желаю ничего об этом слышать. Я хочу жить спокойно. Мне никто не нужен. У меня есть дочь, и я не хочу, чтобы в нас летели камни. Уходи, Данил, и больше никогда не подходи ко мне. Ты слышишь?

В её глазах горел неподдельный страх. Она заметно побледнела. Затем расстегнула верхнюю пуговицу своей блузы и, тяжело вздохнув, произнесла:

– Уходи, Данил.

– Тебе плохо, Рахиль? Чего ты боишься? Никто не посмеет сказать тебе грубого слова. Перед Богом клянусь, – хриплым от волнения голосом проговорил Данил.

– Уходи, Данил. Нас могут увидеть.

– Пусть видят, я и сам скажу, что хочу тебя в жёны взять.

– Ты хочешь пойти против воли своих родителей?

– Рахиль, я не виноват, что у меня вот здесь ты, а не Верочка, – произнёс он с жаром и приложил свои сильные руки к сердцу, – а Верочка в девках не останется. Вон Пётр Баев так и кружит возле неё.

– Данил, человек не в силах изменить то, что предрешиено на небесах, – обречённо произнесла Рахиль, взяла вёдра с водой и быстро пошла по тропинке крутого склона домой.

Данил догнал её и тихо произнёс:

– Рахиль, дай мне вёдра, я помогу.

– Не надо, я сама, – сухо ответила Рахиль и пошла ещё быстрее.

По склону она поднималась быстро, а следом, не отрывая от неё своих задумчивых глаз, шёл Данил.

– Мама, посмотри, какую крупную кисть винограда я нашла, – громко крикнула девочка, увидев свою мать, идущую среди кустов винограда с двумя вёдрами воды.

– А кто разрешил тебе сорвать виноград? – спросила Рахиль.

– Дедушка Яша, – ответила девочка.

Дивора была очень похожа на свою мать, такая же темноглазая и темноволосая. Две длинные косы с белыми бантами свисали сзади по её голубенькому платьицу.

– Только сначала вымой виноград, а потом ешь, – сказала мать.

– Я знаю, мама, мне бабушка уже сказала, – ответила девочка тоненьким голосочком.

В это время бабушка доставала из колодца воду. От взора старухи не ускользнуло, что параллельно Рахили по своему саду шёл и Данил.

Взглянув на Рахиль и встретив её встревоженный взгляд, старуха произнесла:

– Рахиль, мне нужно поговорить с тобой.

– Бабушка, только не сейчас, – рассеяно произнесла Рахиль.

– Именно сейчас, – недовольно произнесла старуха и пошла в дом.

Рахиль пошла следом.

Закрыв за собой дверь, чтобы никто не слышал их разговор, старуха сказала:

– Рахиль, какие у тебя отношения с Данилом?

– Мы с ним соседи и не более, – ответила Рахиль.

– Я очень хочу в это верить, но ты от встречи с ним стала сама не своя. Что между вами происходит?

– Ничего, бабушка, тебе это просто показалось, – опустил глаза и слегка покраснев, ответила Рахиль.

– Не давай повода для разговоров, соблюдай себя. Ты должна думать не только о себе, но и о Диворочке. Ты хорошо знаешь, какие жёсткие законы в селе Привольном. Пятно с матери спадает на дочь безвозвратно. Ты не должна об этом забывать.

– Я это знаю, – ответила встревоженная Рахиль и вышла из избы, чтобы отнести воду хозяйке.

Вечером, закончив трепать лён, Рахиль взяла кипящий самовар, который стоял на большом плоском камне, и понесла его к столу, под большое тутовое дерево.

– Ночь нонча дюжа светлая, скоро заосеняет и поползут по степи туманы, – наливая из самовара чай, сказал поп.

– Туманы здесь часто бывают? – спросила Рахиль.

– Как тебе сказать? Год на год не приходится. Но одно могу точно сказать, что сентябрь будет сухой, а там пойдут дожди.

– Дожди бывают сильные?

– Дюже сильных дождей осенью не бывает. Так, сыплется с неба крупа мелкая или хмарь стоять, да туманы стелятся. Оно и хорошо: скоро трава пойдёт – будя где скот пастись. А то в этом году лето дюже сухое и знойное было, пастухи под самые горы скот гоняли.

– Тюк, тюк, тюк, – монотонно и тоскливо пел над головой филин.

– Не люблю сов и филинов, – сказала Рахиль.

Она встала со скамьи и отошла в сторону, нашла небольшой камешек и бросила его в филина. Филин перелетел на ореховое дерево и стал петь там.

– Рахиль, не гоняйся за ним. Это бесполезно. Он живёт тут.

– Где?

– Прямо вот тут, в дупле этого тутовника.

– Вот тут?

– Да, прямо вот тут. С той стороны дерева есть дупло, там он и живёт. А гоняться за ним бесполезно. Я сам одно время гонялся, а потом понял, что всё это напрасно. Раньше он жил в саду в дупле старого тутового дерева. Я срубил то дерево, думал, что он улетит со двора. А он видишь, как умудрился? Взял да и переселился мне под самый нос, будто в отместку. Я махнул на него рукой и всё. Он не трогает никого, живёт себе и живёт. А то, что тюкает, так это сам Бог велел ему тюкать. Вот так и живём уже лет пять. Раньше, когда были там маленькие птенцы, я часто заглядывал в дупло. Темно в дупле, только одни глазки горящие видны. По глазкам и определял, сколько птенцов вылупилось. А один раз вечером подошёл к дуплу, чтобы посмотреть на них, а оттуда как выскочить змея. Я еле увернулся. Если бы хоть чуть-чуть замешкался, то прямо в глаза пустила бы свой яд. С тех пор и сам не подхожу к ним и другим не позволяю. Пусть живут. У них своя жизнь, а у нас своя. Их вон полно у нас в селе.

Рахиль взяла в руки поднос с тремя чашками чая и понесла в дом. Когда она возвращалась к столу, то увидела входящего во двор соседа Анания, коренастого мужчину сорока лет.

Днём он часто проходил через двор попа, чтобы попасть на свою лавину, находившуюся на берегу реки. Но в такое позднее время он шёл туда впервые.

– Ананий, ты куда собрался на ночь глядя? – спросил удивлённый поп.

– Да я пса на лавине к столбику привязал, а отвязать забыл. Боюсь, что волки ночью нападут и загрызут его, – ответил сосед.

– Волки реже стали заходить к нам, не то, что в те года, – сказал поп.

– А кто его знает? Вдруг возьмут да и нагрянут, – ответил сосед.

– Оно-то верно, Ананий, только почему ты сыновей с собой не взял? – с беспокойством произнёс поп.

– Не хочу беспокоить. Они спать пошли.

– Смотри, Ананий, долго не задерживайся там, – заботливо произнёс поп.

– Я мигом. Собаку отвяжу, и прибежим вместе, – ответил сосед.

– Ананий, будешь идти обратно, не забудь калитку на крючок закрыть, – сказал поп.

– Закрою, не сомневайся, дядя Яков, – проговорил сосед и скрылся в ночной темноте среди кустов винограда.

Рахиль молча посмотрела вслед удаляющемуся соседу, затем прошла за ним несколько шагов и громко крикнула:

– Ананий!

– Ты чего, Рахиль? – отозвался сосед.

– Вернитесь! – громко крикнула Рахиль.

Ананий остановился, посмотрел назад, затем досадливо махнул рукой и пошёл дальше.

– Рахиль, ты чего так забеспокоилась? Он у нас мужик проворный, мигом вернётся, – увидев встревоженную Рахиль, произнёс поп.

– Опасно одному в такое время на речку ходить, – задумчиво произнесла Рахиль, не отрывая глаз от нависшей над садом темноты.

– Что он – дитё малое, учить его? Давай лучше чай пить. Уж больно не люблю я чай холодный пить, – сказал поп и взял в руку сахар.

Но Рахиль не сдвинулась с места.

– Рахиль! – снова позвал её поп.

Рахиль медленно пошла к столу и с задумчивым видом присела на скамейку.

– Пей чай, Рахиль, – сказал поп, подвигая к ней блюдо с пирогами.

– Спасибо, дядя Яков, – всё с тем же задумчивым видом произнесла Рахиль и хлебнула глоток чая из чашки.

– Дани...и...л! – неожиданно долетел до Рахили голос издалека.

Рахиль вскочила из-за стола.

– Ты чего, Рахиль? – спросил удивлённый поп.

– Я слышала крик. Кто-то позвал Данила.

– Ну и что?

– Это был он.

– Кто он?

– Ананий.

– Да будя тебе, Рахиль. Это наверно мужики Данила позвали.

– Нет, дядя Яков. Это были не мужики. Так мог кричать только человек от нестерпимой боли. У меня в ушах и сейчас звучит его голос.

– Рахиль, тебе всё это с непривычки кажется. У нас молодёжь часто задерживается на игрище возле речки и дурачится там. Не обращай внимание. Привыкнешь, – сказал поп, допивая чай.

– Дай-то, Бог, – с суеверным страхом в глазах произнесла Рахиль и застыла в неподвижной позе, положив руки на свои колени.

Поп молча посмотрел на Рахиль, затем посмотрел в нависшую над садом темноту и вдруг почувствовал, что и в его сердце стало вкрадываться неприятное подозрение. От волнения его сердце застучало сильнее и зазвенело в голове.

– А ведь и в самом деле задерживается Ананий. И Черныш наш что-то сильно брешет и в сад рвётся, – с тревогой произнёс поп.

– Дядя Яков, может, пойдём, посмотрим?

– Сейчас, Рахиль, только ружьё возьму. Стрелять-то я не стреляю, но для остротки всё-таки возьму. У меня тоже душа почему-то не на месте, – сказал поп и пошёл за ружьём, висевшим возле летней печи.

Рахиль напрягла весь свой слух, но ничего кроме лая собак не услышала. Лаяли не только псы попа, но рвались с цепи и соседские собаки. Рахиль подошла к Чернышу и погладила его по голове. Пёс жалобно заскулил, доверчиво посмотрел на Рахиль и замолчал. Рахиль вновь напрягла свой слух, но кроме лая собак ничего не услышала.

– Пойдём, глянем, – сказал подошедший с ружьём поп, и они пошли по саду в сторону речки.

Они прошли через весь сад, но Анания не встретили.

– Ананий! – громко крикнул поп, выйдя из калитки сада.

Но ответа не последовало.

– Не нравится мне всё это. Пойдём поближе к реке и там покричим, – сказал поп, выставив вперёд ружьё. А сам всё шёл и тихо молился, просил у Бога прощение за то, что взял в свои руки ружьё.

Поп шёл впереди, выставив вперёд дуло ружья, а за ним, прислушиваясь к каждому звуку и шороху, шла Рахиль.

– Ана...ни...й! – протяжно крикнул поп.

– Ана...ни...й! – ещё громче крикнула Рахиль и, схватив попа за рукав, остановилась.

– Чего, Рахиль? – остановившись, спросил поп.

– Дядя Яков, посмотрите вот сюда, – тихо произнесла Рахиль.

– Куда, Рахиль?

– Вот сюда, вправо метра в пять от нас.

– Да, там действительно что-то есть. А что? Не могу понять, – ответил поп, рассматривая тёмный силуэт.

– Это же Ананий на корточках сидит.

– Может, он по нужде пошёл?

– Нет, я не думаю, – ответила встревоженная Рахиль.

– Ананий, ты чего? – спросил поп.

Но Ананий продолжал сидеть в прежней позе.

– Ананий, ты чего? Пошутить с нами захотел? – сказал поп, подходя к нему.

Ананий не шелохнулся.

– Ананий, Ананий, – кричал поп.

Но он по-прежнему сидел на месте.

Рахиль подбежала к Ананию и от ужаса вскрикнула. При свете луны она увидела, что метров в двадцати от сада попа на колу сидел сосед Ананий с завязанным кровавой тряпкой ртом, со связанными за спиной руками и сильно вытаращенными, открытыми глазами.

– Людей надо звать, – в отчаянии крикнул поп.

Рахиль выхватила из рук попа ружьё и стала стрелять в воздух. Поп побежал в сторону своего сада.

Рахиль развязала кровавую тряпку которой был завязан рот Анания, и вздрогнула ещё сильнее: язык из его рта вывалился наружу. Рахиль достала из кармана своей юбки ножик и перерезала им верёвку которой были связаны руки соседа. Ей очень хотелось верить, что Ананий был ещё жив, хотя разумом она понимала, что кол прорвал ему все внутренние органы, о чём говорила лужа крови, которая образовалась вокруг него.

Рахиль решила нащупать пульс, но, схватив неподвижную руку Анания, она вновь ужаснулась. Кости рук были переломаны и выступали из-под кожи.

Жуткий страх обуял Рахиль. Ей показалось, что рядом зашевелились кусты. Она схватила лежавшее рядом ружьё, вскочила на ноги и осмотрелась по сторонам. Шорох прекратился.

Рахиль снова присела возле Анания. Кусты вновь зашелестели, и шорох стал приближаться к ней. Рахиль отскочила в сторону, чтобы в случае необходимости легче можно было бы убежать в сад. Шорох вновь прекратился.

Ей очень не хотелось оставлять одного Анания, так как она опасалась, что его может разорвать какой-нибудь зверь или собака и потому Рахиль вновь подошла к нему.

Кусты вновь зашелестели. Рахиль подняла с земли камень и бросила его в кусты. Тут же из кустов выскочил пёс с верёвкой на шее и сердито залаял.

– Тихо, Шарик, успокойся, – преодолевая испуг, ласково произнесла Рахиль.

Это был пёс Анания. Он подбежал к своему хозяину, лизнул языком его холодеющую руку и тоскливо завыл, задрав свою морду к луне.

Привязанный к столбу, пёс слышал крик и стон своего хозяина. Пёс долго рвался к нему на помощь, о чём говорила кровавая ссадина на шее, пока в отчаянии не перегрыз эту злополучную верёвку и не прибежал к нему. Но было уже поздно. Пёс чувствовал всё это своим преданным сердцем – потому и был так тоскливо.

Пах, пах, пах, – услышала Рахиль выстрелы.

Это был Данил. Он слышал, как стреляла Рахиль, и слышал, как по саду бежал и кричал поп, что убили Анания и потому, одевшись на ходу, сорвав со стены ружьё и вскочив на коня, прискакал к покойнику.

– Убью, сволочи! – гневно закричал Данил, подойдя к сидящему на колу Ананию.

Вид убитого ножом полоснул по сердцу Данила, и он застонал.

Встревоженные люди с зажжёнными факелами в руках бежали к месту трагического происшествия. Никто из сельчан не сомневался, что это дело рук банды Алихана, который не только упустил угнанный скот, но потерял ещё своих самых смелых и опытных разбойников. Чувство мести затмило его разум, и он метался по лесу израненным зверем, выискивая подходящий момент для мести.

– Прости, Ананий, – сжав от боли кулаки, тихо произнёс Данил и попытался закрыть ему глаза.

– Данил, вон они, – неожиданно произнесла Рахиль.

В темноте она рассмотрела трёх всадников, которые выскочили из реки и помчались в сторону гор, свернув в правую сторону. Там разбойников поджидал Алихан со своей бандой.

– Убью, сволочи, – кричал Данил.

Он вскочил на коня и стал стрелять им в след.

– Господи! Зачем же ты допустил, чтобы эти изверги вместо меня убили Анания? Они ведь точно по мою душу приходили, – в жутком отчаянии причитал поп, возвращаясь к убитому с двумя его сыновьями и женой.

– Яков, ты напрасно казнишь себя. Ты тут ни при чём, им всё равно кого убивать. Попался им Ананий – они убили его. Если бы вышла я, то убили бы меня, – сказала соседка Вера, которая пришла туда вслед за сыном.

– Убили! Изверги! Убили! Анани...й! – подбегая к мужу, кричала его жена Мария.

А когда она увидела изуродованное тело Анания, то стала смеяться страшным, леденящим душу смехом.

– Ха, ха, ха... – летел над ночной степью душераздирающий смех убитой горем женщины.

Она упала на землю и стала биться в истерике, затем села рядом и схватила мужа за руку. В холодеющей руке она почувствовала раздробленные кости. Это сильно испугало её и лишило рассудка. Она вскочила на ноги и со смехом побежала к реке.

– Мама, вернись! – кричали её сыновья.

Одному из них было двадцать, а другому пятнадцать лет. За ними побежали ещё трое мужиков. Мария бежала так быстро, что пятеро мужчин не могли её догнать. И только над речным обрывом схватил её за руку старший сын и прижал к себе.

– Ананий? – тихо спросила она, и снова стала хохотать.

– Всё, Рахиль, пошли, Ананию уже ничто не поможет, нужно спасать его жену Маню. Ты иди к Диворочке, а я пойду готовить для Мани снадобье, чтобы заснула, иначе за ночь она может много бед натворить, – сказала старуха, – да и тебя, Рахиль, нужно умыть – такую страсть перенесла.

– Ты права, бабушка, мне очень страшно, – ответила Рахиль, прижавшись к бабушке.

Потрясённый происшествием, Данил при свете луны один скакал за вооружёнными разбойниками. Его конь просто летел над землёй. Ноги коня едва касались земли. Он вдруг почувствовал лютую ненависть в сердце хозяина. Он чувствовал её всей своей кожей, ушами и сердцем. И потому до предела напрягая свои мускулы, он скакал с возрастающей скоростью.

В это время за садом Жабина Азария, находившегося за рекой, вокруг догорающего костра сидели пятеро казаков и жарили на веретене дикого кабанчика. Азарий ходил вокруг них и из маленького бочоночка наливал им вино в деревянные кружки.

Казак Михаил Чернов с мельчайшими подробностями рассказывал им, как он убил этого кабанчика.

– Только приготовился я стрелять, – начал он рассказ, – как слышу, кабаниха сзади с визгом летит на меня. Я повернулся, глянул и обмер сразу. Клыки во какие. Думаю, ну всё, конец мне. Она прыг на меня. Я за дуб. Она с дуру бац в дуб и врезалась в него клыком. Я – пах в кабанчика. Он завизжал и тут же кувыркнулся вверх ногами. Кабаниха услышала его прощальный визг, рванула из дуба клык и на меня. Глаза кровью налились, и визжит, как резаная. Тут слышу и сзади визг. Я оглянулся – вижу, прёт прямо на меня напрямик через чащу кабан и хуже кабанихи визжит. Что делать? В кого стрелять? Не знаю. Думаю, ну всё, сейчас оба клыки в меня вонзят. Тут я изловчился – и в сторону, а они со всего маху бац – и впились клыками друг другу в морды. Я взял кабанчика и только...

– Хороший казак ты, Михаил, только брехать маленько любишь, – перебил его рассказ сидящий рядом казак.

– Когда это я брехал? – обиженно спросил Михаил.

Пах, пах, пах, – неожиданно разрезали выстрелы ночную темноту.

– Татары, – с тревогой произнёс Азарий.

– Может кто-нибудь балуется? – спросил Михаил.

– У нас баловаться ружьями, а тем более по ночам, строго запрещено, – ответил Азарий.

Встревоженные выстрелами, они постояли ещё немного и, убедившись, что всё вокруг стихло, вновь сели возле костра и начали пить вино.

Пах, пах, пах, – вновь раздались выстрелы со стороны села.

Азарий залез на вышку, находившуюся недалеко от костра, и сказал:

– Это Данил стрелял. Я вижу зажжённый факел за садом то ли Данила, то ли попа Якова, в темноте не могу точно рассмотреть.

– Что же там произошло? Неужели татары пробрались и нагадили? – задумчиво произнёс Михаил.

– Всё может быть, у нас в селе много татар в работниках – пойди, узнай, кто из них работник, а кто разбойник, – сказал Азарий.

– Следом за Азарием на вышку залезли и казаки.

– Глянь, Азарий, вон три всадника скачут в нашу сторону, – вглядываясь в ночную темноту, сказал Михаил.

– Где? – переспросил Азарий.

– Вон там за садами, – ответил Михаил и показал рукой в сторону дороги, проходившей между садами и полем.

– Может, это наши казаки скачут? – неуверенно произнёс один казак.

– Нет, это татары. Сволочи, что они натворили там? – произнёс Азарий.

– Давай пойдём им наперерез, – с нетерпением произнёс Михаил.

– Нет, Михаил, давай лучше затаимся и подпустим их поближе, иначе уйдут в другую сторону, – произнёс Азарий.

Разбойники взяли курс вправо, так как там был очень удобный подход к лесу.

– Ветер дует в их сторону. Они могут почувствовать запах костра и жареного мяса, – произнёс Михаил.

– Вряд ли учуют, они как бешенные скачут, – сказал Азарий.

Конь Азария, почувствовав возбуждённое состояние своего хозяина, с нетерпением затопал по земле копытами, а затем, приподняв передние ноги, громко заржал. За ним заржали и другие кони.

Услышав ржание коней, разбойники изменили своё направление и поскакали прямо. Но, проскакав небольшое расстояние, они свернули влево, так как впереди находился глубокий овраг.

Теперь Данил скакал прямо на разбойников.

– Быстрей, родной, быстрей, нельзя мне упустить их, – беззвучно шептали губы Данила. И конь летел, едва касаясь земли.

Расстояние между Данилом и разбойниками было достаточно, чтобы при свете луны можно было попасть в скачущего всадника. Данил хлестнул плетью коня. Конь захрипел и сильнее напряг свои мышцы.

– Хотел бы я знать, откуда у моего коня столько сил? Что руководит им, если он скачет вот так на последнем запале? Что это – любовь ко мне, боязнь смерти или лихачество? – неожиданно подумал Данил, в глубине души жалея своего взмыленного коня.

На скаку Данил нацелил ружьё на разбойников и выстрелил. Пуля пролетела мимо разбойников.

Следом за Данилом скакали пятеро казаков и Азарий, но они не стреляли, так как опасались, что при неудачном выстреле могут попасть в Данила.

Данил на скаку прицелился в спину отставшему разбойнику, но промахнулся.

Впереди вырос глубокий ров. Кони разбойников с трудом преодолели его, отбив от края рва большой пласт земли. Данил вновь прицелился в спину разбойнику. Но, перескакивая через встречный ров, конь задними ногами чуть не сорвался в него. Он тут же захрипел и присел на передние ноги. Рука Данила при выстреле дрогнула, и он попал не в разбойника, а в его коня. Конь сильно заржал, захрипел и свалился на землю. Разбойник истошно закричал. Тогда скачущий впереди него разбойник быстро развернулся и подъехал к нему. За это время Данил подобрался к ним ближе и выстрелил в подсевшего разбойника, ранив его в плечо. От боли разбойник завыл и схватился за рану.

– Убью, сволочи, – сорвалось с губ Данила.

Он выстрелил ещё раз, но пуля пролетела мимо.

Данил оглянулся. Сзади него по-прежнему скакали казаки, но впереди была река, горы и лес, в котором находился аул и мечеть. Попад туда, разбойники сразу же станут неуязвимыми, так как жители аула примут своих сородичей и ополчатся против привольненцев. Мулла бросит клич против неверных, и тогда никакие силы не смогут их остановить – поднимутся все жители аула.

Данил отлично это понимал и потому хотел рассчитаться с разбойниками до того, как они попадут в аул. Знал Данил также и то, что впереди была река с крутыми обрывистыми берегами. Если разбойники плохо знали эти места, то могли сорваться в речку и разбиться о камни – в темноте довольно трудно рассмотреть извивающуюся среди кустов и деревьев реку.

– Быстрей, быстрей, – сквозь зубы процедил Данил.

Он вновь прицелил ружьё в спину разбойника.

«Что предпримут они? Река рядом», – с волнением подумал Данил и выстрелил три раза подряд.

Оба скачущих разбойника пришпорили своих коней и скрылись в зарослях над рекой.

Данил приостановил своего коня в трёх метрах от обрыва. Теперь было очевидно, что разбойники плохо ориентировались в этих местах, иначе они проскакали бы ещё метров двести и перешли реку в удобном месте.

– Прости меня, Господи, – в великом раскаянии произнёс Данил и посмотрел с обрыва в реку.

Но ничего кроме ночной темноты он там не увидел.

Бабушка приготовила снадобье и с трудом напоила им Марию. Ночь Мария проспала спокойно, а утром, распустив свои русые волосы, незаметно прокралась в заднюю избу к своему трёхлетнему сыну Данилу.

Сын, увидев подошедшую к нему мать, радостно произнёс:

– Мама!

– Иди ко мне, Данил, – тихо произнесла Мария, испуганно оглядываясь по сторонам.

Мальчик радостно потянул к ней свои ручки.

– Данил, пойдём кататься?

– Пойдём, – ответил мальчик.

– Мария взяла его на руки и крепко прижала к себе. Ребёнок обнял её ручками за шею. Она хихикнула и стала подкрадываться к открытому окну. Посадив ребёнка на подоконник, она вылезла из избы и взяла на руки сына. Затем она поднесла его к колодцу и спросила:

– Данил, ты хочешь кататься?

– На качелях? – спросил мальчик.

– На качелях, – ответила мать.

– Хочу, – доверчиво ответил сын.

Мать посадила ребёнка в ведро и, раскручивая верёвку, стала опускать его в глубокий колодец.

– Мама! – испугано крикнул ребёнок и заплакал.

Но плача ребёнка она не слышала, а с улыбкой на губах беспрерывно повторяла:

– Катику, катику, Данила.

Ведро стремительно полетело вниз и, ударившись о поверхность воды, скрылось под водой вместе с головой Данила. Вода, вытесняя воздух, потекла в уши, нос и ротик мальчика. Захлебываясь водой, он схватился ручками за край ведра, и, упираясь ножками о дно, приподнялся. Задышавшись от страха и воды, он не мог ни вздохнуть, ни крикнуть. Несколько секунд он молча стоял в ведре с холодной водой, выплёвывал воду и тёр кулачками закрытые глаза. А когда он их открыл, то из его горла вырвался душераздирающий крик. Он кричал так, будто на него со всех сторон набросились страшные чудовища и терзали его тельце своими длинными острыми клыками. Ведро медленно поплыло вверх. Ноги мальчика подкосились и он сел в ведро. Он забыл все слова. Он не мог вымолвить слово «мама», только лишь однообразный звук «а...а» срывался с его языка и рвался из колодца к небу.

Вытащив ребёнка из колодца и с улыбкой взглянув на него, она снова стала опускать Данила вниз, приговаривая:

– Катику, катику, Данила.

– Миша, чего это твой брат Данил так сильно плачет? – спросил Петриков Самоил, который всю ночь с мужиками просидел возле покойного Анания.

– Дядя Самоил, ни мамы, ни Данила нигде нет.

– Миша, глянь в саду, крик оттуда доноситься, – сказал Самоил.

Михаил забежал за гранатовый куст и увидел мать, которая крутила лебёдку, вытягивая из колодца ведро.

– Катику, катику, Данила, – не замечая Михаила, блаженно повторяла мать.

Михаил спрятался за гранатовый куст. Он понимал, что удержать мать и вытянуть из колодца брата он один не сможет, и потому махнул рукой Самоилу, который смотрел в его сторону.

– Мужики, гляньте, что там случилось, – сказал Самоил мужчинам, входящим во двор.

– Миша, чего там? – спросили они.

– Мама брата моего, Данила, в колодец опустила.

– Господи! Отец Небесный! Верни Мане рассудок, – молились мужики, пока шли к колодцу.

– Миша, сейчас мы подойдем к матери сзади и возьмём её за руки, а ты сразу выхватывай крюк. Да не упусти. На большой скорости его не остановишь. Так совсем дитя загубить можно, – сказал пожилой мужик.

Мария в очередной раз вытащила ребёнка из колодца и одну руку оторвала от крюка. В это время мужики набросились на неё сзади, а Михаил выхватил из её руки крюк и подхватил ведро, в которой находился Данил. Ребёнок, прижавшись к брату, испугано трясся.

– Отдайте! Отдайте мне Данила! Анания отняли, хотите и Данила отнять? – кричала обезумевшая женщина.

– Бабушка, как страшно кричит Маня, прямо жутко мне, – сказала Рахиль бабушке, готовившей возле печи снадобье для Мани.

– Обезумела она от горя. Но ничего, Рахиль, переболеет она, а там потихоньку и на поправку пойдёт. Мне её будет лечить намного легче, чем тебя тогда. Чужих людей лечить намного легче, чем своих близких.

– Я хорошо понимаю Маню, потому что сама однажды чуть не потеряла рассудок.

– Мне тогда очень трудно было лечить тебя, потому что я сама заболела вместе с тобой.

На похороны Анания собралось всё село. Это горе было общим. Его гибель вызвала сильный гнев среди мужчин и посеяла страх в женских сердцах. Каждая женщина, глядя на изуродованное тело Анания, с содроганием думала, что на его месте мог оказаться её муж, отец или сын. Отряд Фёдора Бочарникова прискакал на кладбище с гор после очередного объезда, когда гроб с телом Анания под душераздирающий бабий вой опускали в могилу. Прощальное слово произнёс староста Семён. За ним свою прощальную речь от имени всего отряда произнёс Фёдор Бочарников.

– Прости, Ананий, что мы не смогли уберечь тебя, – боль и отчаяние прервали речь Фёдора, – прости, Ананий. Но мы клянёмся, что отомстим за тебя и уничтожим банду Алихана. И не будем больше отгонять от себя этих шакалов. Мы будем их уничтожать, безжалостно будем уничтожать каждого, кто посягнёт на нашу жизнь, будь то банда Алихана или иная, потому что врагов нужно уничтожать! Если не уничтожим их мы, то они уничтожат нас. Клянусь, что с сегодняшнего дня я буду защищать каждого из вас вплоть до последней капли своей крови. Никто не смеет трогать нас безнаказанно!

– Клянусь! Клянусь! Клянусь! – вслед за Фёдором поклялся отряд, сопровождая клятву оружейными выстрелами.

Их поддержали и все остальные мужики.

– У...у! – завывали бабы ещё громче.

Иванова Вера пробралась к сыну и, слезливо сморщив губы, тихо произнесла:

– Данил, чё ж теперь будя? Фёдор вон какой крутой мужик. Дал слово – не отступится. Да и мужики все горой за него.

– Мама, с волками жить, надо по-волчьи выть, – необычайно серьёзно ответил ей сын и перевёл свой взгляд на стоявшую среди женщин Рахиль.

Вера отвернулась от Данила и пошла к бабам. Она окончательно поняла, что её сын так же, как и Фёдор, не отступится от своего слова.

Глава пятая

В селе Привольном основную часть работников составляли бедные татары из горных аулов и татары, которые приходили с территории Персии. Они выполняли в основном сезонные работы. Но были и такие, которые работали у одного хозяина по несколько лет. Это были конюхи и пастухи.

У попа Якова уже полгода работал конюхом шестнадцатилетний парень Абдулла, которого в базарный день привела к попу бабушка.

Поп часто отпускал Абдулла домой в аул и давал ему продукты, чтобы он отвёз их своей бабушке и младшей сестрёнке.

Поп не разрешал Абдулле ходить по лесу пешком, так как было много случаев, когда на пеших людей в лесу нападали волки и съедали их, – потому всегда давал Абдулле коня и ружьё.

Рано утром Абдулла попрощался со своей бабушкой, взял корзину, в которой привозил виноград и курицу, повесил через плечо ружьё, вскочил на коня и поскакал в Привольное. Он скакал по лесной дороге и сонно посматривал по сторонам, пока не доскакал до ущелья. Этот участок дороги Абдулла не любил, так как в случае нападения волков ускакать оттуда было очень трудно.

Абдулла сильнее пришпорил кнутом своего коня и во весь дух понёсся через ущелье.

Он уже выскочил из ущелья, когда увидел группу вооружённых всадников.

– Турки! – мелькнуло у него в голове.

Своих земляков, даже из чужих аулов, Абдулла сразу же узнал бы по одежде.

«Убегать от них бесполезно, всё равно догонят», – подумал Абдулла и остановился.

– Ты куда едешь? – спросил Абдулла подъехавший к нему главарь банды Алихан.

– В село Привольное, – ответил Абдулла.

– Зачем едешь? – недовольно произнёс Алихан.

– Я там работаю конюхом у попа Якова, – ответил Абдулла.

– Ты работаешь у этих свиньей? – брезгливо сморщив свое лоснящееся от молодости и крепкого здоровья лицо, спросил Алихан.

– Что ты, брат? В селе Привольном не едят свинью, – с испугом произнёс Абдулла.

– А ну, щенок, давай мне ружьё и слезай с коня, – грубо произнёс Алихан и схватил ружьё.

– Не надо, брат, не забирай у меня ружьё и коня. Я должен вернуть их хозяину, – не выпуская из рук ружьё, закричал Абдулла.

Главарь рассмеялся и, стащив Абдулла с коня, брезгливо пнул его ногой.

– Жить хочешь? – спросил Алихан, наступив Абдулле на грудь и приставив ко рту ружьё.

– Хочу, очень хочу, не убивай меня, брат. У меня дома осталась маленькая сестра с бабушкой. Они умрут с голоду без меня, – просил Абдулла, вытирая с губ кровь.

– Как твоё имя? – спросил Алихан.

– Моё имя Абдулла, – ответил он и, немного подумав, добавил, – Мамедов Абдулла Гасан оглы. Я живу недалеко от ущелья вон в том ауле.

Он повернулся и показал рукой в сторону своего аула.

От Абдуллы не ускользнуло, как вздрогнул один разбойник, услышав его слова. Он быстро опустил до самых глаз чалму, прикрыв ею лоб и чёрные, нависшие над глазами густые брови, а по бокам закрыл лицо свисающими из-под чалмы тряпками.

– Алихан, дело есть, – тихо сказал он главарю банды и шепнул что-то ему на ухо.

Алихан с удивлением взглянул на него и тут же убрал свою ногу и ружьё с Абдуллы.

Затем оба разбойника отошли в сторону и стали что-то бурно обсуждать.

– Вот что, – вернувшись к Абдулле, сказал Алихан, – щенок попа убил хороших людей, и ещё трое моих лучших людей пропали ночью. Аллах не простит нам, если мы не отомстим за них. Если ты действительно наш брат, то ты должен помочь нам.

– Чем я могу помочь вам? – с удивлением спросил Абдулла.

– Ты должен пойти в село Привольное и отомстить за наших братьев, – сказал Алихан.

– Что я должен сделать? – спросил Абдулла.

– Ты должен убить попа и его щенка, – властным тоном произнёс главарь банды.

– Нет, брат, я не могу убить их, – встав на колени перед Алиханом, произнёс Абдулла.

– Не можешь? Тогда я убью тебя, – сказал Алихан и приставил дуло ружья к уху Абдуллы.

К главарю снова подъехал разбойник с низко опущенной чалмой и тихо сказал:

– Алихан, видит Аллах, он ещё зелёный. Он действительно не сможет убить ни попа, ни его щенка. Позволь мне совершить эту почётную миссию. Только не рассказывай Абдулле ничего ни обо мне, ни о Тарлане. Мы для них давно уже умерли.

– Я тебя понял, – ответил Алихан.

– Не убивай меня, брат, – с грязным от земли лицом Абдулла ползал на коленях перед Алиханом и просил его.

– Абдулла, ты трус, мне противно смотреть на тебя. Брось на землю свою рубаху и уходи домой. Вместо тебя работать к попу поедет Сафар. Он не трус и очень хорошо может работать.

– А как же я верну хозяину ружьё, коня и корзину? – спросил Абдулла.

– Что было в корзине? – спросил главарь.

– Курица и виноград, – ответил мальчик.

– Сафар всё передаст. Уходи, – сердито произнёс Алихан.

Абдулла снял одежду и стал пятиться назад, не поверив, что его действительно отпустили разбойники. Пройдя так метров сто, он быстро развернулся и побежал домой.

Сафар брезгливо поднял с земли холщёвую рубаху, которую сшила Абдулле Сара, надел её и подвязал в поясе тонкой верёвкой, как это часто делали при работе привольненские мужчины...

Сафар был соседом Абдуллы. Восемь лет тому назад, ещё щуплым подростком, он работал пастухом у Кремнёвых. По приказу Алихана он угнал весь их скот и с тех пор стал разбойничать вместе с ним. Теперь в этом сильном широкоплечем человеке невозможно было узнать прежнего подростка. Жители аула говорили, что он пропал. А куда пропал – никто не знал. Люди из аула часто пропадали. Три года тому назад пропал и Тарлан, старший брат Абдуллы.

– Помолимся, провожая брата на святое дело, громко произнёс главарь банды.

Разбойники соскочили со своих коней, достали из сумок, свисающих по обеим сторонам коней, маленькие коврики, положили их на землю и стали молиться. Помолившись, они несколько раз ударились головой о землю и неистово закричали:

– Аллаху акбару! Аллаху акбару! Аллаху акбару!

Не раздумывая, Сафар схватил с земли корзину, вскочил на коня и поскакал в село под крики:

– Аллаху акбару!

Сафар отъехал совсем недалеко от разбойников, как его конь спотыкнулся на правую ногу на ровном месте.

– Би-сми-Ляхи! (С именем Аллаха!) – вздрогнув от нехорошей приметы, произнёс Сафар.

– Би-сми-Ляхи! – закричали ему вслед разбойники.

Выехав из леса, Сафар сразу же увидел впереди себя трёх скачущих казаков.

– Плохая примета, когда конь спотыкается на ровном месте. Не успел выехать из леса, как тут же на казаков наварлся, – подумал Сафар.

Но обратного пути у него не было, и он поскакал дальше по дороге, ведущей в село. Казаки поскакали к нему наперерез.

– Ты кто такой, мужик? – спросил один из казаков.

– Я сосед Абдуллы, работника попа Якова, – уверенно произнёс Сафар.

– Знаю такого, – ответил казак и спросил, – а где он сам?

– Его сильно испугала собака, и он попросил меня вернуть хозяину ружьё, коня и вот эту корзину, – невозмутимо ответил Сафар, хотя ему самому очень хотелось сорвать со спины ружьё и перестрелять казаков.

– Хорошо, проезжай, – произнёс всё тот же казак.

Сафар поскакал в село, а следом за ним мирно поехали казаки.

Поп кормил в загоне гусей, когда Сафар подъехал к его воротам.

– Что-то поздно вато приехал нынче Абдулла, – увидев всадника, остановившегося возле его ворот, подумал поп.

Он поставил ведро с зерном на землю и пошёл открывать калитку, но, подойдя к калитке, вместо Абдуллы он увидел незнакомого, крепкого телосложения татарина.

– Здравствуй, хозяин, – довольно сносно, по-русски, произнёс Сафар.

– Здорово, – ответил поп, с интересом рассматривая Сафара.

– Хозяин, Абдулла попросил меня, чтобы я привёз тебе коня, ружьё и корзину.

– А что случилось с Абдуллой? – спросил поп.

– Его сильно испугала собака, теперь он не может работать, попросил меня, чтобы я поработал вместо него, – произнёс Сафар, и в его глазах блеснул хищный огонёк.

– Как зовут тебя? – спросил поп.

– Сафар, – ответил он.

Хозяин открыл калитку и впустил Сафара во двор.

– Хозяин, вот твой конь, ружьё и корзина. Как я обещал Абдулле, так всё и исполнил, – произнёс Сафар, передавая ружьё и узду попу.

– Коня привяжи к столбику возле загона и ружьё там же повесь, – сказал поп.

Сафар отдал корзину хозяину и с ружьём за спиной повёл коня к столбику.

– Рахиль, накорми работника, да скажи, чтобы вычистил коровник, а как управится, пусть наколет дров.

– Хорошо, – ответила Рахиль и пошла к печи.

Еду для Сафара Рахиль принесла в двух тарелках. В одной гусяное мясо с картошкой, а в другой салат из огурцов, помидор и прочей зелени.

Обе тарелки она поставила перед Сафаром и сказала:

– Ешь, Сафар.

– Спасибо, сестра, – ответил он, принимаясь за еду.

На столе стоял горячий самовар с большим заварочным чайником наверху. Рахиль сняла с самовара заварочный чайник, налила в стакан крепкую заварку и долила из самовара кипятка. Всё это время Сафар не сводил с Рахили глаз. А когда она подала ему стакан с чаем, он довольно щёлкнул языком и произнёс:

– Яхшы мяхмяри чай.

– Ты что сказал, Сафар? – переспросила его Рахиль.

– Я сказал, что чай очень хороший, – ответил он.

– Тогда пей, а я сейчас пироги принесу, – сказала Рахиль и направилась к печи. Она быстро принесла в деревянной тарелке пироги и поставила рядом с сахарницей.

– Сестра, как зовут тебя? – с аппетитом разжёвывая кусок мяса, спросил Сафар.

– Рахиль, – ответила она.

– Мужик есть у тебя? – спросил Сафар.

– А ты как думаешь?

– Думаю, что есть. У такой красивой женщины всегда мужик есть, – произнёс Сафар. Он говорил, а сам всё время смотрел по сторонам.

«Глаза у него сильно бегают... Не нравится мне всё это», – подумала Рахиль и пошла к колодцу, чтобы набрать воду.

В её сердце закралось нехорошее подозрение: она подумала, что человек с такой сильной мускулатурой не будет работать простым пастухом.

«Может сказать о своём подозрении дяде Якову?» – подумала она.

Но тут же вспомнила слова своей бабушки, которая сказала ей, что если она хочет жить спокойно, то пусть меньше высказывает свои мысли вслух.

В это время к дому подъехала подвода Моисея. Следом за подводой прискакали три казака.

От наблюдательной Рахили не ускользнуло, как, увидев вооружённых казаков, Сафар вскочил, но тут же сел.

– Ешь, Сафар, до обеда ещё далеко, а работы много. С пустым животом много не работаешь, – сказала Рахиль, проходя мимо стола с ведром воды.

– Спасибо, Рахиль, больше не хочу, – ответил он, отодвигая тарелку с едой.

– Тогда хотя бы чаю попей, – сказала Рахиль.

– Хорошо сестра, буду чай попить, – произнёс Сафар и взял из вазочки кусочек сахара.

Скосив в сторону глаза, не поворачивая головы, он стал наблюдать за вошедшими во двор казаками, затем быстро метнул свой взгляд в сторону привязанного коня и снова перевёл его на казаков.

«Чего он боится?» – настороженно подумала Рахиль.

Весь стакан чая Сафар выпил с одним кусочком сахара и быстро встал.

– Сафар, тебе чай налить ещё? – спросила подошедшая к нему Рахиль.

– Нет, спасибо, – ответил он.

– Тогда можешь начинать работу. Коровник находится там, – сказала Рахиль и показала на сарай, который находился на одной стороне с хозяйским домом.

Сафар медленно пошёл к сараю, искоса поглядывая на стоявших возле порога дома казаков. Он очень не любил и боялся казаков, а потому при встрече с ними ему всё время казалось, что они прямо сейчас выстрелят в него. Он медленно шёл к сараю, чувствуя себя под прицелом.

По двору бегали куры. В стороне, недалеко от привязанного Сафаром коня, стояло большое деревянное корыто, где, дружно крикая, прыгали утки, расплёскивая по сторонам воду.

Сафар уже прошёл весь двор и направился к сараю, обходя большую бочку с водой, как вдруг почувствовал, что кто-то вскочил ему на плечи, впился в них когтями, сбил папаху и с силой стал долбить его голову.

С испуга Сафар не мог понять, что с ним происходит, и решил, что в него стреляют казаки. Он рванул в ту сторону, где находился конь и ружьё, но услышал голос Рахили и остановился.

– Кыш, кыш, – кричала Рахиль и с палкой в руках бежала на помощь Сафару.

Сафар стал усиленно отбиваться от петуха и махать руками, но не тут-то было: петуха не пугали руки Сафара. От его ударов петух подпрыгивал, но сразу же возвращался и начинал долбить голову несчастного с удвоенной силой.

Сзади к петуху подбежала Рахиль и сбила его палкой с плеч Сафара. Сафар дотронулся рукой до своей головы – она была в крови.

А петух никак не унимался. Он снова и снова прыгал на Сафара.

Сафар поднял с земли сбитую папаху и надел на голову. Рахиль бегала за петухом и отгоняла его от Сафара.

Казаки, стоявшие во дворе, ржали как молодые необъезженные жеребцы и от смеха держались за животы.

– Уходи, уходи, – злобно кричал Сафар на петуха.

Рахиль открыла закуток для кур и пыталась загнать туда воинственного петуха, но он каждый раз ускользал от неё и бежал к Сафару.

Не переставая смеяться, казаки тоже взяли в руки палки и помогли Рахили загнать петуха в курятник.

– Крепко закрой, – крикнул издали Сафар.

– Я на крючок закрыла, не бойся, не убежит, – сказала Рахиль, отходя от курятника. Сафар пошёл дальше, ругая петуха на родном языке.

– Сафар, давай я обработаю рану на твоей голове, – сказала Рахиль.

– Не надо, так пройдёт, – недовольно ответил Сафар, исподлобья поглядывая на курятник.

Затем он остановился возле дверей сарая и стал смотреть в ту сторону, где стояли казаки.

Вскоре из дома вышел Моисей со своим сыном Матвеем, а за ними и Люба с попом.

– Интересно, почему это Сафар не входит в сарай? – подумала Рахиль и, решив, что он не может найти вилы и лопату, пошла к нему, чтобы показать.

На ходу она вспомнила, что вечером хозяин вымыл все лопаты и вилы и поставил их за кучу колотых дров. Обойдя стог сена, Рахиль подошла к куче сложенных дров, взяла лопату, вилы и понесла их Сафару. Он стоял к ней спиной. Сафар был очень сильно увлечён происходящим во дворе и не слышал шагов Рахили. Она хотела позвать его и дать ему орудия труда, но замерла от неожиданности. На её глазах Сафар выхватил из правого сапога длинный нож, весь задрожал от злости и неистово заматерился сначала на родном языке, а потом на русском. Затем вновь засунул нож в сапог и заскрипел от злости зубами. Рахиль посмотрела во двор и увидела там Моисея, который шёл к подводе вместе со своим сыном. За ними шёл поп и его сноха Люба. Матвей с родителями сел в подводу, и они поехали. За ними усаkali и казаки.

Рахиль тихо, чтобы не заметил её Сафар, скрылась за стогом сена.

«Ну и нож! Этот убьёт, не задумываясь», – со страхом подумала она.

Согнувшись за кустом граната, чтобы её не заметил Сафар, Рахиль пошла к столу. Она взяла висевшую на столбике тряпку и стала вытирать ею стол. То, что Сафар ненавидел и боялся казаков, Рахиль поняла сразу, но она никак не могла понять, почему он так озверел, когда увидел, что родители увозят домой своего сына.

«Казаки, Сафар, Матвей...» – несколько минут эти слова не выходили из головы Рахили. Она сосредоточенно искала между ними связь и неожиданно вздрогнула от своего открытия.

Рахиль видела, как поп закрыл ворота и пошёл к своей Саре, но подойти к нему и сказать ему о своих подозрениях она побоялась, так как подозрения у неё были очень нехорошие. Более того, она не знала, как отнесётся к её словам поп, и решила не нагнетать обстановку в доме.

Увидев Сафара возле сарая, Рахиль громко крикнула:

– Сафар, ты что, лопату ищешь?

– Да, Рахиль, лопату, – ответил он и посмотрел в её сторону.

– Посмотри за дровами, вчера вечером она там стояла.

Он пошёл к куче дров и вскоре вернулся к сараю с лопатой и вилами в руках.

– Ну, что нашёл? – беспечно произнесла Рахиль, будто ничего и не подозревала.

– Нашёл, Рахиль, спасибо, – ответил Сафар.

– Если ещё что-то будет нужно, то не стесняйся, спрашивай, – сказала Рахиль.

– Хорошо, буду спрашивать, – ответил он.

Пока Сафар работал в сарае, поп собрался и ушёл к своему сыну, где он молился с людьми почти целый день. В своих молитвах они благодарили Отца Небесного за то, что он вернул к жизни Матвея.

Сафар долго украдкой выглядывал сначала из сарая, а затем из-за кучи дров, но хозяина так ни разу и не увидел.

Тогда он подошёл к Рахили и спросил:

– Рахиль, ты не знаешь, где хозяин? Что-то я давно не вижу его.

– Знаю, Сафар, он у своего сына.

– А когда он придёт? – с нетерпением произнёс Сафар, и глаза его беспокойно забегали по сторонам.

Рахиль сделала вид, будто бы ничего не заметила и спокойно ответила:

– Этого я не могу сказать тебе, Сафар.

– Почему, Рахиль?

– Потому что не знаю, – ответила она.

Рахиль видела, как часто Сафар выглядывал, дожидаясь хозяина, с какой злостью он колол дрова и спросила:

– Сафар, для чего тебе хозяин нужен?

– Дело у меня есть к нему, – недовольно ответил он и нахмурил свои густые брови.

Рахиль пыталась лучше понять Сафара и потому спросила:

– Сафар, а чья собака покусала Абдуллу?

– Не знаю, он мне не сказал.

– Сафар, если Абдуллу сильно покусала собака, то тебе придётся долго работать здесь.

– Рахиль, зачем ты мне всё это сказала?

– Как зачем? Если ты будешь здесь работать, то я должна выстирать постель Абдуллы.

– Не надо выстирать. Я буду так спать. У тебя и без того работы много.

– Мне это не трудно. Сейчас я буду стирать казацкие вещи, заодно выстираю и вещи Абдуллы.

– Рахиль, почему ты стираешь казацкие вещи? – с удивлением спросил Сафар.

– Я здесь работница и делаю всё, что мне скажет хозяин.

– А зачем хозяин сказал тебе стирать их?

– Кто же им будет стирать, если не я? Они же здесь живут.

– Как это здесь живут?

– Да, они живут здесь, вот в этом домике, – сказала Рахиль и показала на домик, в котором жили работники.

– Абдулла жил с казаками? – с неподдельным испугом произнёс Сафар.

– Да, он жил через стенку с казаками.

– Абдулла не сказал мне, что жил с казаками.

– Они уехали по своим делам, потому он и не сказал.

– А когда казаки придут сюда? – пытаясь скрыть нахлынувшее возбуждение, произнёс Сафар, и его густые, жгуче-чёрные, нависшие над глазами брови соединились в переносице.

– Хозяин сказал, что дня через два должны приехать.

– Хорошо, пусть придут, – сквозь зубы процедил Сафар.

Рахиль заметила, с какой злостью блеснули глаза Сафара, и отошла от него.

Поп вернулся домой рано. Он обещал казакам, проживающим в казарме, верёвки, которые хранил в сундуке в сарае, – поэтому, вернувшись домой, сразу пошёл в сарай, чтобы засветло достать обещанные верёвки.

Сафар в то время стоял за кучей дров и не видел вошедшего во двор хозяина.

Рахиль тоже с нетерпением ждала его, чтобы высказать свои подозрения. Она не хотела дожидаться темноты и пошла за хозяином в сарай.

Поп открыл настежь дверь, чтобы было светлее, и пошёл к сундуку, который стоял в самом углу сарая.

Сафар поднял топор, чтобы расколоть очередное полено, но, увидев попа, входившего в сарай, бросил его и стал, будто вор, осматриваться по сторонам.

Рахиль встала за стенку сарая, возле бочки с водой. Дверь находилась в нескольких шагах от неё. Рахиль высчитывала время, за которое она сможет добежать до двери сарая и захлопнуть её. Она понимала, что если опоздает всего лишь на мгновение, произойдёт непоправимое. Перед её глазами мелькнула жуткая картина: ей привиделся поп, лежащий на соломе и истекающий кровью.

– О, Господи! – сорвалось у неё с языка.

Картина тут же исчезла.

Рахиль понимала, что Сафар пришёл, чтобы убить попа и его внука. Но внука там не было. Рахиль видела, как озверел Сафар, увидев, что родители увозили Матвея домой.

– Что же ещё может предпринять Сафар? – подумала Рахиль.

Её мозг работал быстро и чётко.

«Сара! В озлоблении он может убить и её. Не доведи, Господи! Только не это!» – подумала она.

От страха Рахиль бросило в жар. Она вспомнила, что её бабушка пошла к Саре, чтобы растереть ей ноги, а с ней пошла и Дивора. Времени для раздумий у неё не осталось. Она должна была действовать. Рахиль видела, как Сафар, высунув голову, ещё раз посмотрел во двор и уставился на дверь сарая. Рахиль неподвижно стояла за бочкой. Сафар её не заметил.

– Сейчас он сорвётся с места и побежит в сарай, – пронеслось в голове Рахили.

И, опередив Сафара на считанные секунды, она побежала к открытой двери сарая. Добежав до двери, она быстро её захлопнула и встала впереди неё, с силой прижимая её к притолоке.

Сафар выхватил из сапога нож и побежал на Рахиль. Это был уже не тот человек, которого она совсем недавно кормила, мирно беседуя. На неё бежал зверь. Добежав до двери сарая, Сафар с силой дёрнул Рахиль за руку, чтобы оторвать её от двери. Но Рахиль оказалась сильнее, чем он думал. Она тут же вырвала свою руку из его крепких рук.

– Уходи, Сафар, – сердито произнесла Рахиль.

Она готова была биться с ним до последних сил, лишь бы только её дочь не увидела этого озверевшего человека с ножом в руках.

– Кто там дверь захлопнул? Откройте! – крикнул поп из сарая.

– Рахиль, отойди от двери, – злобно прорычал Сафар, замахнувшись на неё ножом.

– Не надо, Сафар! – громко крикнула Рахиль ему в лицо.

– Рахиль, отойди от двери. Я не буду тебя убивать. Мне нужен старик, – сквозь зубы процедил он.

– Рахиль, что там такое? Вы чего дверь закрыли? Откройте, – снова крикнул поп из сарая.

– Дядя Яков, не выходите. Сафар убьёт вас, – ответила ему Рахиль.

– Господи! Прости грехи мои вольные и невольные... – стал за дверью молиться поп.

Глаза у Сафара горели как у разъярённого хищника. Он немного отошёл от Рахили и стал медленно приближаться к ней с поднятым кинжалом в руке.

– Сафар, не подходи ко мне. Я не пушу тебя в сарай, – не отрывая своих глаз от озлобленных глаз Сафара, произнесла Рахиль.

– Ты, женщина, не будешь пускать меня в сарай? Да я сейчас прирежу тебя, как барана, – злобно сверкая глазами, произнёс он.

– Сафар, не подходи ко мне.

Он с силой схватил её за руку.

– Отпусти, мне больно.

– Больно говоришь? А будет ещё сильнее больно, если я всажу в тебя вот этот кинжал.

– Сафар, настоящий джигит не может убить невооружённую женщину.

«Сволочь, какая красивая, как гляну в глаза, так рука, будто плеть, вниз падает», – подумал он, а сам произнёс, – тогда отойди, Рахиль.

– Сафар, тебе нельзя входить в сарай, – спокойно произнесла Рахиль и снова посмотрела ему в глаза.

– Рахиль, убери глаза! – истерично крикнул он и сделал три шага назад, – Глаза, глаза убери! Не смотри на меня так! Не смотри!

«Господи! Не позволь Сафару прочесть страх в моих глазах», – беззвучно взмолилась Рахиль.

– Убью, Рахиль, отойди, – с поднятым кинжалом кричал Сафар.

– Ты не сможешь меня ударить. Не сможешь. Не сможешь. Не сможешь... – тихо произнесла Рахиль, не отрывая своих пронзительных глаз от Сафара.

Размахивая ножом, он стал приближаться к Рахили.

– Убью, Рахиль, – процедил он сквозь зубы.

– Господи! Помоги мне, – тихо произнесла Рахиль.

Она вновь вспомнила, что её дочь с бабушкой находятся в избе у Сары. За считанные секунды Рахиль поборол свой внутренний страх и спокойным голосом, не отрывая своих напористых глаз от глаз Сафара, произнесла:

– Сафар, людей нельзя убивать.

– Не смотри на меня так, Рахиль. Не смотри. Убери глаза. Убери. Убери... – закричал он. Рахиль не пошевелилась.

– Рахиль, убери глаза, сейчас я убью тебя! Убью! Убью!!! – бешено закричал он и бросился на неё с ножом, прицелившись в левый глаз.

Но, подбежав к Рахили, его нож вонзился в дверь чуть левее уха. Он несколько раз отбежал от Рахили и вновь бросался на неё с ножом, и каждый его бросок сопровождался звуками, вырывавшимися из его оскаленного рта.

– И...ах!.. – нечленораздельно выкрикивал он.

И при каждом ударе его нож вонзался в дверь левее, правее или выше головы Рахили.

Не выдержав её взгляд, левой ладонью своей руки он прикрыл глаза.

– Сафар, убери с глаз свою руку, – спокойно произнесла Рахиль.

– Мама? Как ты сюда попала? – с удивлением произнёс он, убирая с глаз ладонь.

– Сафар, отдай мне нож и тогда всё узнаешь, – ответила она.

– Мама, я не могу отдать тебе нож. Я должен убить старика и его щенка, – доверчиво произнёс он.

– Но ты не сможешь убить щенка, потому что его нет здесь.

– Тогда я убью старуху. Она здесь, в доме, – шёпотом произнёс Сафар и показал рукой в сторону дома.

– Сафар, не надо, не убивай. Ты убьёшь – и тебя убьют, отдай мне нож и уходи отсюда, – сказала мать.

– Мама, ты действительно хочешь, чтобы я так поступил?

– Да, Сафар, я этого очень хочу. Дай мне нож и уходи отсюда, – очень строго произнесла она.

– Возьми, мама, – сказал он так, как говорил ей в детстве и протянул нож.

– Ну вот, молодец ты, Сафар, а теперь уходи отсюда, – ласково произнесла она.

Он повернулся, чтобы уйти, но увидел попа, который вылез из сарая, отодвинув болтающуюся доску, взял ружьё, висевшее возле коня, и наставил его на Сафара.

– Уходи, Сафар, и никогда больше не приходи ко мне, – сердито произнёс старик.

Сафар повернул голову к двери сарая, но вместо матери увидел там с кинжалом в руках Рахиль.

– Рахиль? Где моя мама? – тихо, будто бы просыпаясь от сна, произнёс Сафар. И тут же в его глазах загорелся неподдельный страх.

– Уходи, Сафар. Видишь, казаки приехали? – сказал поп и показал рукой в сторону улицы.

Сафар повернул голову и увидел трёх казаков, которые стояли возле калитки.

Тогда, озираясь по сторонам затравленным зверем, он посмотрел на попа, затем вновь взглянул на стоявших возле калитки казаков и, переведя свой взгляд на Рахиль, неистово закричал:

– Шейтан! Шейта...ан!

– Сам ты, шейтан, нечисть поганая, – ответил ему поп.

Сафар подбежал к коню, вскочил на него и через сад попа поскакал в лес.

Кровь бешено кипела в груди Сафара. Он не помнил, как перескочил калитку в саду попа, как пересёк речку и поле. Он опомнился лишь тогда, когда въехал в лес и увидел там своих разбойников.

– Сафар, ты убил этих свиней? – выезжая к нему навстречу, произнёс Алихан.

– Алихан, убей меня! Убе...ей! – неистово закричал Сафар, увидев своего повелителя.

Он свалился с коня на землю, сорвал с себя рубаху, швырнул её в кусты и в истерике стал биться о землю, рвать на себе волосы и царапать ногтями лицо.

– Сафар, ты, что делаешь? Ты, что, совсем дурак? Ты убил их? – спросил Алихан, удивлённый поступком Сафара.

– Не...ет! – истошно закричал Сафар и с ненавистью впился пальцами в траву, вырвав её вместе с корнями и землёй.

– Сафар, ты дал клятву Аллаху, что убьёшь их. Почему ты не убил? – гневно произнёс Алихан.

– Я не смог убить, – царапая лицо грязными ногтями, произнёс Сафар.

– Почему? Ты же один из самых смелых моих джигитов, не считая убитых. Ты должен был отомстить за них.

– Там была одна женщина, Рахиль, – крикнул Сафар.

– Ты испугался женщину? – гневно закричал взбесившийся Алихан.

Разбойник, стоявший рядом с Сафаром, прыснул от смеха и тут же прикрыл свой рот ладонью, а затем отвернулся, чтобы своим смехом не вызвать гнев Алихана.

– Али, ты чего смеёшься? – спросил подошедший к нему разбойник.

– Сафар испугался женщину, – вновь прыснув от смеха, произнес Али и побежал в лесную чащу.

Там он упал на траву и долго смеялся, уткнувшись лицом в землю.

– Я не верю, Сафар настоящий джигит, – сказал подошедший к нему разбойник.

– Клянусь Аллахом! – ответил ему Али, и они вместе стали смеяться.

– Сафар, почему ты испугался женщину? – гневно кричал Алихан.

– Она была очень красивая, – ответил Сафар, разрывая руками корни травы.

– Неужели ты никогда не видел красивую женщину? – с удивлением спросил главарь банды.

– Видел, – с раскаянием произнёс Сафар и стал бить свой лоб о колени.

– Я не верю, что ты трусил перед женщиной, – недоверчиво произнёс Алихан.

– Алихан, клянусь Аллахом! Я видел там свою маму, – тихо, но уверенно произнёс Сафар, и в его глазах застыл ужас.

– Сафар, ты что, совсем дурак? Твоя мама давно умерла. Ты сам мне об этом говорил, – возмущившись, произнёс Алихан.

– Я знаю, что она умерла, но я видел её там точно так же, как вижу сейчас тебя. Она сказала мне, что нельзя убивать людей и попросила у меня нож.

- И ты отдал? – гневно крикнул Алихан.
 - Я подумал, что я совсем маленький, и когда она попросила у меня нож, то я отдал его.
 - Ты сам отдал женщине нож?
 - Да, отдал.
 - Что было дальше? – с нетерпением произнёс Алихан.
 - Я хотел уйти, но, когда я повернулся назад, то увидел старика, который вылез из сарая с другой стороны, отодрав бревно, взял ружьё и нацелил его на меня. А у ворот стояли казаки.
 - Почему он не убил тебя? – снова закричал Алихан.
 - Поп не может убивать человека. Он сказал мне, чтобы я уходил. Я посмотрел туда, где стояла моя мама, и вместо неё увидел Рахиль с моим ножом в руках. Я подумал, что она шайтан. Я вскочил на коня и ускакал, – сказал Сафар, и в его глазах загорелся хищный страх.
 - Алихан! Это точно был шайтан. Красивая женщина всегда бывает шайтан, – с суеверным страхом произнёс пожилой разбойник.
 - Это хорошо, что Сафар никого там не убил. Иначе шайтан пришёл бы к нам сюда вместе с Сафаром, – сказал разбойник, ближе всех стоявший к Алихану.
 - Ля иляха илля Аллаху! (Нет Бога, кроме Аллаха!), – испугано произнёс пожилой разбойник.
 - Ля иляха илля Аллаху! – неистово крикнул Алихан и поскакал вглубь леса.
- Остальные разбойники последовали за ним.

Глава шестая

Каждый вечер Рахиль ходила на речку за гусями. Рахиль вышла из сада по па, закрыла за собой калитку и залюбовалась горами, один конец которых убежал в Муганскую степь, а другой огромной глыбой нависал над Каспием. Рахили очень захотелось подняться на вершину самой высокой горы, вдохнуть живительную силу лесной прохлады и с высоты птичьего полёта осмотреть округу. Лес она любила с детства, но дикие горы она видела впервые. Они неудержимо тянули её к себе. Эта жажда появилась в её сердце в тот день, когда она впервые увидела их издали. Теперь они таинственно манили её своей дикой красотой, завораживая взгляд и сердце. И ничто не могло погасить её сердечный жар. Такою уж она была: если любила, то любила пламенно, самозабвенно, любила всем своим сердцем и душой, вплоть до последней клеточки. Выросшая в лесу, Рахиль очень страдала, что не могла пойти туда, что вынуждена была смотреть на лес и горы лишь издали. Женщинам запрещалось ходить в лес, потому что татары очень часто их крали. Однажды Рахиль попросила своего хозяина, чтобы он взял её с собой в лес за дровами, но он ответил, что баб в лес брать нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.